

Фаусто Грин

Ключевые Перв

Фаусто Грин

Книжные Черви

«Автор»

2021

Грин Ф.

Книжные Черви / Ф. Грин — «Автор», 2021

Герои русской классической литературы давно живут в современном мире. Они приспособились к нему. И к вам. А что ты будешь делать, когда узнаешь, что ты - всего лишь персонаж чьей-то книги? Что ты будешь делать, когда узнаешь, что твои переживания, приключения и привычный мир - всего лишь авторский вымысел? Отдавал ли себе отчет тот, кто написал тебя, в том, что он делает с твоей жизнью? Про каждого из нас тебе доводилось слышать. Что насчет тебя? Ты один из нас? Или из тех, кто нас создал?

© Грин Ф., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог. Охота на невесту	5
Глава 0	24
Глава 1	26
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Фаусто Грин

Книжные Черви

Пролог. Охота на невесту

Санкт-Петербург. Декабрь 2018.

– Простите, извините... Простите, пропустите, нам в конец вагона...

Темноволосый мужчина лет тридцати пяти, с приятным незапоминающимся лицом, не слишком толстый, не слишком тонкий, одетый в длинное серое шерстяное пальто, пробирался по узкому проходу плацкартного вагона. Следом за ним шли ещё трое молодых людей: один совсем ещё мальчишка, на вид не старше восемнадцати, и двое других, этим можно было дать лет двадцать семь – двадцать восемь. У паренька были небрежно растрёпанные каштановые волосы, отрошенная на затылке тоненькая прядка заплетена в косичку, чей кончик исчезал под воротником косухи. Высокий и стройный молодой человек, идущий следом за парнишкой, волосы имел тёмно-русые, а черты лица правильные и тонкие; в левой руке он нёс переноску с собакой породы вельш-корги-пемброк. Замыкал шеренгу светловолосый, очень коротко стриженный парень, одетый несколько эпатажно – в просторный чёрный балахон с глубоким капюшоном – и хранящий на своём лице до крайности независимое, граничащее с отсутствующим выражение. На носу у него сидели золотистые очки-авиаторы, а на голове – массивные мониторные наушники, из которых доносились сочные басы дэт-метала.

– Ишь, чо выдумали... Ходють тут. Здесь люди, между прочим, ко сну готовятся, – недовольно прокряхтела какая-то бабулька, которой припозднившаяся на посадку компания помещала устилаться на нижней боковой полке. Следом за бабкой недовольство высказали ещё несколько пассажиров, которые толпились в проходе, пытаясь разложить вещи и угнездиться на своих местах.

Когда четверо добрались наконец до своих мест, то с удивлением обнаружили вульгарно одетую молодую особу, вольготно расположившуюся на нижней полке.

– Простите, сударыня, но, кажется, вы ошиблись местом, – тщательно подбирая слова, проговорил Павел – именно так звали мужчину в пальто.

– Как ты меня назвал? – прокуренным голосом прохрипела девица.

– Сударыня... – растерянно повторил мужчина.

– С Питера, что ли? – Она харкнула на пол. – «Сударыня»!.. Моё место, и подруга моя тут сидит, а вы, вон, можете занять место возле параша...

В этот самый момент со стороны туалета появилась ещё одна девица, на лице которой красовалось нечто среднее между гримом для хоррора и макияжем. Она бесцеремонно растолкала незнакомцев и заняла вторую нижнюю полку.

– Но это же место Саши... – попытался возразить Павел, неуверенно оглядываясь на парнишку в кожанке.

– Ну, и чего мы встали? – донеслось тем временем от Евгения – парня в очках, которому из конца колонны было не видно нежных фемин, а из-за музыки в наушниках и не слышно состоявшейся беседы.

– Ну, тут какие-то заняли наши места и не хотят уходить, – устало пояснил стоящий перед ним Родион, опуская на пол переноску с собакой.

Евгений снял очки и закатил глаза. Дотянулся до плеча паренька.

– Сань, разберись, – начал было он.

– Стойте, успокойтесь, давайте не будем разбираться, я посплю на боковых полках, – скидывая руки в примирительном жесте, поспешно предложил Родион.

– Я, в общем-то, тоже, – согласился Павел и принялся упикивать переноску с собакой под боковую полку.

Девушки довольно переглянулись.

Саша скинул берцы и влез на верхнюю полку. Барышни, почуяв запах мужских носков, скривились и начали требовать куда-нибудь убрать берцы, но парень их не слушал, а лишь удовлетворённо улыбался маленькой мести.

Евгений сразу ушёл в уборную, переоделся в домашнее и также залез на верхнюю полку. Девушки снизу отпустили в его сторону несколько сомнительных комплиментов и сделали парочку не менее сомнительных предложений.

– Девять часов... почему мы не могли поехать на «сапсане»?!. – уже через десять минут взвыл Саша. – Ненавижу Москву!

– «Сапсан» лично тебе, босота, не по карману. Сомневаюсь, что бюджета Родиона хватит катать тебя на дорожном транспорте. – Евгений повернулся и насмешливо посмотрел на Сашу.

– Ты че, пёс?! Я дворянин! – Подколы Евгения по поводу денег, а вернее, их отсутствия, всегда бесили парнишку.

– Ммм, и где же твои манеры, барчук? – с выводящей из себя безмятежностью поинтересовался Женя.

– Да заткнись ты уже!.. – досадливо бросил Саша, отворачиваясь лицом к стене.

На боковых полках тем временем Павел и Родион, по законам русского железнодорожного путешествия, уже накрывали поляну. В сумке у них нашлась пара дошираков, любовно завернутая в фольгу жареная курица, хлеб, варёные яйца, помидор и четыре банки пива.

– Угощайтесь, – любезно предложил окружающим Родион, но отклика не последовало. Наглые девы с нижних полок были поглощены своими телефонами, а из наушников Евгения вновь донеслось нечто похожее на дэт-метал, и он отрёпился от мира.

– А мне пива можно? – свесившись с полки, попросил Саша.

– Только безалкогольное. Я взял для тебя пару банок. – Родион полез в рюкзак.

– Прекрати обращаться со мной как с маленьким! – вспыхнул юнец. – Я уже взрослый, мне уже можно пить, и вообще!..

Но парня никто не слушал, кроме соседских бабок, которые тут же выдали негодующую тираду.

Атмосфера, конечно же, не располагала ко сну.

Саша слез и присел на краешек нижней полки. Намакияженная мамзель пару раз пихнула парня ногой в бедро, пытаясь то ли обратить на себя его внимание, то ли выжить его со своей территории. Так или иначе, парень счёл за лучшее решение проигнорировать эту ситуацию.

– Ты бы хоть джинсы зашил, – вздохнул Родион, бросая косой взгляд на голую Сашину коленку, торчащую в проход. – Чего на тебе всё горит как на огне? Им и месяца нет.

– Ой, прости, папочка, – едко процедил Саша и стал тереть пальцем ухе (он всегда так делал, когда злился или волновался). – Тебе не надоело?

– Ты всё равно сделаешь, как я тебе говорю. Сейчас или позже.

Так получилось, что Родиону Саша старался не перечить, а если и делал это, то больше для вида.

– Есть иголка? – минуту спустя недовольно пробурчал парень.

Родион улыбнулся и, покопавшись в рюкзаке, протянул иголку с ниткой. Саша недовольно принялся зашивать дыру на коленке.

– На себе не зашивают, – сказал Павел, – примета плохая. Битым будешь.

Парень бросил на спутника уничтожающий взгляд.

С верхней полки спустился Евгений и пошёл к проводнице за чаем.

– Бесовщина ты, – донеслось ему вслед от цыганки с боковой полки.

– Что, простите? – Молодой человек остановился и повернулся к говорившей, приподнимая брови в том выражении вежливого удивления, на которое способны, как правило, лишь очень высокомерные люди.

– Креста на тебе нет! – с готовностью пояснила тётка.

– Так ведь и бога нет, – усмехнулся Евгений и двинулся дальше.

На цыганку эта фраза подействовала как бомба замедленного действия. Когда Евгений возвращался, женщина перегородила проход грудью шестого размера, телом шестидесятого и двумя цыганятами лет шести.

– Что ж ты старой женщине говоришь такие вещи, милоч? Сердце у тебя чёрное, любовь ты свою потерял. Ты мне ручку позолоти, а я тебе правду расскажу, как порчу снять с себя. Есть она на тебе, глаз дурной. Вот и ты такой же.

Этой сценой заинтересовалась ещё не спящая публика: кто-то назвал цыганку вымогательницей, кто-то заохал про охрану, кто-то попросил всех заткнуться на не совсем культурном русском.

Женя улыбнулся.

– Что ж ты, старая женщина, или глаз у тебя замылился? Разве похож я на человека, у которого деньги есть?

Цыганский радар дал сбой: майка, треники и общий внешний вид парня говорили о том, что денег у него действительно нет. Женщина потупила взгляд, пробурчала что-то своим цыганятам и скрылась на полке, недовольно кряхтя.

Евгений проводил цыганку задумчивым взглядом и уже собирался было продолжить свой путь, но не успел он повернуть голову, как на него кто-то налетел. Проявив чудеса ловкости, парень умудрился удержать кружку с чаем, расплескав лишь немного, и уже собирался гневно воззрится на того, кто столь неосторожно его протаранил, но встретился взглядом с выразительными зелёными глазами очаровательной молодой девушки. В руке у неё был телефон, а в ушах – крошечные наушники, что легко объясняло, почему она в упор не заметила Евгения. Девушка извинилась с обворожительной улыбкой и перекинула с плеча за спину толстую чёрную косу. Воздух рядом с ней словно пах полевыми травами. По ощущениям – солодкой и крапивой.

Евгений посторонился, пропуская незнакомку. В ответ она одарила его ещё одной улыбкой, после чего направилась в сторону вагона первого класса. Светлое платье придавало ей необычайную лёгкость.

Женя вернулся на своё место. Саша в этот момент уже готов был покинуть свой кружок кройки и шитья, а точнее нытья.

– Ножницы нужны, – мрачно буркнул он.

Ни слова не говоря, Евгений достал со своей верхней полки небольшой пенал. Из пенала – герметичный пакетик, в котором лежали ножницы, зажимы, скальпели и множество других хирургических инструментов.

– Док, ты их везде с собой таскаешь?! – вытаращился на товарища парнишка.

Евгений посмотрел на Сашу как на идиота. Конечно, он таскал инструменты с собой везде. Как вещи первой необходимости. Как паспорт. Разве можно выйти на улицу и не взять зажим Кохера? Малышу на выбор дали пять ножниц, половина которых явно предназначалась для других целей.

Через какое-то время они все угнездились на своих полках и уснули.

Поезд стоял где-то посреди леса, залитый тусклым светом ущербной луны.

Уже полчаса сидящая в переноске собачка беспокойно прислушивалась к малейшим шорохам в вагоне. Слишком долго они уже не двигались для обычной стоянки, да и место было выбрано довольно странное: ни станции, ни полустанка. Собака начала недовольно ворчать,

разбудив Родиона. Парень тут же сел и потянулся, задев рукой верхнюю полку. Сначала хотел извиниться, потом решил, что и товарищу стоит проснуться. Услышав копошение на нижней полке, глаза открыл и Павел.

– А... что... что такое? – сонно прокряхтел он.

– Спустишь на минуточку, – задумчиво сказал Родион.

Мужчина неохотно слез. Родион посмотрел на свой телефон – сети не было. В вагоне постепенно зашевелились люди. Вдруг дверь тамбура открылась, и вошла проводница. Она дрожащим голосом произнесла:

– Граждане, если среди вас есть доктор, подойдите, пожалуйста, ко мне. Поезд скоро отправится.

Павел и Родион начали расталкивать Женю:

– Док, Док проснись!

Врач несколько секунд пытался игнорировать просьбу, надеясь, что от него отстанут. После двух подряд смен, на которых ему пришлось оперировать, он искренне надеялся выспаться хотя бы в дороге. Надежда не оправдалась. Вынув наушник из уха, проклиная всё на свете, он спустился и подошёл к проводнице.

– Я врач, – обречённо признался он. – Кому нужна помощь?

Проводница вцепилась в его руку. В её глазах стояли слёзы.

– Пожалуйста, пожалуйста, помогите, осмотрите их, может быть, там есть... может быть, там есть... ничего не говорите... пожалуйста.

Женщина повела его в первый вагон.

Евгений открыл дверь, ведущую из тамбура в коридор вагона первого класса, и ему в ноздри тут же ударил хорошо знакомый запах – запах крови и свежей требухи. Кровью был залит весь пол у ног Евгения, она пропитала тощую ковровую дорожку и кое-где забрызгала стены. Взгляд парня скользнул по ткани, ставшей из ярко-красной тёмно-бордовой, и уткнулся в человеческую руку. Рука с плечом и фрагментом грудины лежала возле левой стены, почти касаясь полусогнутыми пальцами тапочка Евгения. Весь остальной человек обнаружился чуть дальше по коридору: обмякший, он полусидел, привалившись к правой стене.

– Какого?!. – собрался было выругаться молодой человек, но осёкся.

Около мертвеца, у противоположной кромки кровавой лужи, стояли двое мужчин в форме. Один из них отчаянно пытался дозвониться кому-то по телефону. Другой, рослый, заметив Евгения, раздражённо уставился на него выпуклыми рыбьими глазами:

– Ты ещё кто такой? – неприязненно буркнул он. – Посторонним нельзя.

Проводница отстала где-то по дороге, поэтому Евгению пришлось рекомендовать себя самому.

– Я врач, – коротко ответил он.

Услышав это, рыбоглазый слегка подобрел, коротко кивнул сам себе:

– Врача нашли, отлично. – А Евгению бросил: – Всё, что вы здесь видите, является конфиденциальной информацией.

В этот момент из-за спины Евгения выглянула подросевшая проводница.

– Что здесь произошло?! Вы разобрались? Это теракт?! – Она обвела всех присутствующих круглыми от ужаса глазами.

– Не теракт, а смерть по неосторожности, – чеканно поправил мужчина.

Формулировка была настолько изящной, что Евгений, цинично усмехнувшись, пару раз мысленно хлопнул в ладоши. После чего, брезгливо ступая по ковру, влажно хлюпающему под его ногами, протиснулся в ближайшее купе. На полках мирно лежали окровавленные тела. Грудная клетка их была разворочена. Евгений бегло осмотрел повреждения. Ни у кого не было сердца.

– Очевидно, что здесь нет живых! – крикнул доктор.

– Да вы чертовски наблюдательны! – отозвался голос рослого. – Как и в других купе. Сейчас мы свяжемся с кем-нибудь, оцепим поезд, выведем пассажиров.

– Тогда какого хрена вы меня вызвали?! – возмутился Евгений, однако ответить ему не успели.

Дверь, ведущая из купейного в технический вагон, открылась, и оттуда вышел ещё один полицейский.

– Ребят, в общем, дальше мы не едем. Машинист и начальник поезда мертвы.

После этой фразы проводница, которая и без того уже находилась на грани истерики, ринулась обратно, подальше от головного вагона.

Рыбоглазый изменился в лице:

– Если она сейчас всех там перебаламутит, то у нас будет целый поезд паникующих. Быстро за ней! – И сам первым бросился исполнять свой приказ. Двое его подчинённых последовали за ним.

Евгений тоже не собирался оставаться в вагоне и двинулся следом.

Что ситуация вышла из-под контроля, Павел и Родион поняли, когда в вагон вновь вбежала проводница, на этот раз в компании троих полицейских. Вместе они принялись будить пассажиров:

– Просыпайтесь, нужно немедленно покинуть поезд. Просыпайтесь!

За ними вошёл и Евгений. Подойдя к друзьям, он кратко пересказал им увиденное в первом классе. Его выслушали внимательно, не перебивая вопросами. Когда он закончил, Родион озабоченно нахмурился:

– И что мы будем делать? Думаете, действительно стоит позволить им всем выйти из поезда?

Евгений с сомнением покачал головой.

– Не знаю. Мы понятия не имеем, с чем нам предстоит столкнуться и на что это что-то способно. Единственное, в чём я уверен, так это в том, что это не заурядный маньяк с ножом. Мы даже не знаем, одно оно или их несколько. Но там снаружи лес, ночь и ни одного человеческого поселения на несколько километров вокруг. Может стать так, что, выпустив их, мы только упростим этой твари охоту.

– Всё ясно, – коротко кивнул молчавший до сих пор Павел. – Значит, надо будить Мальша.

Здоровому детскому сну Александра не мог помешать даже нарастающий обеспокоенный гул: парнишка продолжал сладко посапывать на своей полке. В то же время в вагоне становилось всё шумнее. Несмотря на то, что полицейские вели себя вполне профессионально и раздавали команды спокойно и уверенно, глаза у проводницы всё равно были дикие, а в голосе то и дело прорывались истерические нотки. Её нервозность неизбежно передавалась людям, и без того взволнованным странной ситуацией и уже начинающим подозревать что-то ужасное. Если бы они только знали...

Парень плохо понимал, что происходит, и долго не желал просыпаться. Тогда Павел выплеснул ему в лицо стакан воды.

– Ты что делаешь?! – отплевываясь и вытирая глаза краем простыни, возмущённо крикнул Саша.

– Немедленно вставай и прекрати панику в вагоне, – велел Родион.

Павел тем временем открыл переноску, собака в которой настоятельно скребла лапой об дверь, привлекая к себе внимание.

Вагон гудел. Саша встал в проходе и громко приказал: «Успокойтесь. Вернитесь на свои места. Ложитесь спать. Успокойтесь. Вернитесь на свои места. Ложитесь спать!»

Шум постепенно стал стихать. Люди повиновались приказу. Саша пошатнулся. Он легко мог подчинить волю нескольких человек, но использование силы на полусотне мгновенно истощило парнишку.

В этот момент вернулись двое из троих полицейских, отлучавшихся в купейный вагон, но Павел перегородил им путь. В его правой руке был маленький светящийся камень.

– Все спать! – скомандовал он, и люди рухнули перед ним, как мешки с картошкой, там, где стояли, то есть, прямо в проходе.

– Отлично, Паш, а теперь мы будем по ним ходить? – спросил Евгений. После чего они с Родионом растащили полицейских по ближайшим купе и направились в первый вагон вслед за Павлом, собакой и Александром.

Павел и Саша прошли в глубь вагона. Ковровые дорожки, пропитанные кровью, неприятно прилипали к подошвам ботинок. Родион зашёл в открытое купе, опустился рядом с одной из полок и посветил на тело фонариком мобильного телефона.

– Вот так просто? Выдрали сердце? Сколько тел? – крикнул Родион.

– Двенадцать! – отозвался из другого конца вагона Павел.

– Могло быть больше, – вспоминая плацкарт, сказал Саша.

– Это вагон первого класса. Не у всех в наше время есть столько денег, – пробормотал Родион. Остальные не поняли, был ли это сарказм или грустная констатация факта.

– Убило. Их. Что-то. С нашего. Мира. Паша. Пррииз-зови. Душу. «Кого-нибудь», – гаркающе произнесла собака.

Павел полез в карман и достал несколько драгоценных камней. Они засветились у него в руке. Мигающие лампы погасли совсем. Женья продолжал ходить по купе и осматривать трупы.

Родион вдруг выругался.

– Что там? – спросил Павел.

– В этом купе ехали дети. Но я не вижу их тел!

– Как ты понял?

– Игрушки, вещи! Надо найти детей. Тринадцатая, ищи! Может быть, они испугались и побежали в другой вагон. Может быть, они ещё живы! Саша, – Родион повернулся к шатающемуся от усталости Малышу, – мне нужен ключ от чемодана.

Парнишка уставился на него расширенными глазами.

– Я не дам тебе его. Тебе нельзя!

– Саша. Ключ, – одобрила собака.

Поезд вдруг тряхнуло. Евгений, не ожидавший такого, упал. Камни на ладони у Паши засветились ещё ярче. Родион высунулся в окно и увидел, что весь поезд погрузился во тьму. Вдруг один из вагонов на миг осветился вспышкой холодного синего света.

– Оно в третьем вагоне! – крикнул Родион.

Саша снял с шеи цепочку, на которой висел ключ от чемодана, и кинул его Родиону. Тот помчался обратно во второй вагон.

Перед Павлом появилось бледное бестелесное очертание, отдалённо напоминающее человека.

– Что здесь произошло? – холодно спросил Павел.

– Когда проснулся, был здесь уже я, – ответил дух. – Со мной что?

– Ты мёртв, – бесстрастно ответил мужчина.

– Как это?

– Я откуда знаю! Я живой, – всплеснул руками Павел.

Рядом с ним появилось ещё один дух.

– Где дети мои? – подвывая, спросил он.

– Я не знаю.

- Детей моих забрала она!..
 - Кто забрал?! – встрял в разговор Евгений.
 - Женщина...
 - Что здесь произошло? Отвечай! – камни в руке Павла засветились ещё сильнее.
 - Я знаю не. Женщина. Волосами с чёрными. В невесты платье. Плакала. Мужа искала...
- В этот момент раздался лай. Собака стояла у запертой двери туалета. Евгений бросился

на звук. Из туалета послышался плач.

- Мы полиция, откройте, – соврал Женя.
- Уходите, – донёсся детский плач, – она и вас сожрёт!
- Я хочу вам помочь! Откройте!
- Нет!
- Саша! Бегом сюда! – крикнул Евгений.

Поезд тряхнуло ещё раз.

Родион вернулся в свой вагон. Было тихо и темно. Телефон не вовремя разрядился, лишив своего хозяина заодно и фонарика. Добравшись до своего места, парень нащупал на багажной полке чемоданчик и открыл его ключом. В чемоданчике лежал аккуратно завёрнутый в кусок бархатной ткани топорик. Родион взял его и в этот момент услышал детский смех. Парень бросился в следующий вагон.

В тамбуре стояли очаровательные светловолосые двойняшки лет четырёх и темноволосый мальчуган лет шести, с большими синими глазами. Дети смеялись. После всего недавно увиденного это зрелище ошарашило юношу. Вдруг дверь в соседний вагон открылась, и навстречу Родиону вышла необычайной красоты девушка с длинной чёрной косой, перекинутой через плечо. Она была одета в белое платье, расшитое цветами, на губах её играла нежная улыбка. За ней, держась за подол её платья и за края одежды друг друга, цепочкой следовали маленькие дети.

Увидев Родиона, она остановилась и ласкающим слух мелодичным голосом произнесла:

– Привет. Я Оксана. А ты кто?

– Меня зовут Родион. Что ты здесь делаешь? – Голос парня дрожал, нервы были на пределе.

– Что-то произошло в поезде, и я поняла, что не сплю. И дети не спят. А их родители не просыпаются. Я решила собрать всех детей в одном месте и вывести из этого страшного поезда на улицу. Пожалуйста, помоги мне.

Голос у девушки был чертовски соблазнительным и чертовски наивным. Слушая его, Родион чувствовал, что, вопреки всему, успокаивается. Ей хотелось доверять.

– Как тебе удаётся так легко управляться с детьми? – спросил парень.

– Дома, в Киеве, я была вожатой в детском лагере, – улыбнулась она Родиону. – Дети, держитесь за руки, ни с кем не разговаривайте и идите в первый вагон, это тоже часть игры, я и дядя вас сейчас догоним.

Дети послушно взяли за руки и пошли вперёд.

«В первый вагон? – промелькнуло в голове у Родиона. – Подожди, там же куча трупов и всё в кровище...»

Однако он не успел ничего сказать, потому что девушка вдруг оказалась совсем близко и пристально посмотрела ему в глаза – свет луны не отражался в её зрачках.

– Может быть, и ты хочешь поиграть? – бархатно прошептала она.

Родион сглотнул. Топор с грохотом упал на пол из его разжавшихся пальцев. Девушка провела ладонью по щеке парня. Медленно опустила голову ему на плечо, уткнулась в шею и с наслаждением вдохнула запах его кожи. Родион прикрыл глаза. Тонкие пальцы провели по его

губам, парень почти невесомо поцеловал их. Девушка прикусила мочку его уха. Нежно прижала парня к стене, обвивая обнаженной ножкой его тело. Впилась в губы ледяными губами.

Евгений открыл дверь вагона и прыгнул на гравий. Вокруг было темно, высокие чёрные ели скрывали горизонт. Он, спотыкаясь, побежал вдоль поезда, осматриваясь по сторонам, как вдруг перед ним возникло странное существо: мохнатое, с огромными когтями и крыльями и с двумя хвостами – так в книжках обычно изображают чертей.

– Вот чёрт! – выругался доктор и тут же восторженно засмеялся: – И впрямь знатная чертила!

Существо бросилось на Евгения.

Бестелесный дух продолжал метаться возле Павла. Тем временем Саша смог открыть дверь туалета и нашёл там забившуюся в угол перепуганную девочку лет восьми, держащую в руках свёрток.

– Это ведь не по-настоящему?! – спросила девочка у Саши.

Тем временем дверь вагона отворилась, и навстречу Павлу пошли дети, держащиеся за руки. Они не обращали внимания ни на кого. Босые ноги их пачкались в крови, возможно, собственных родителей. Одна девочка, шедшая в конце колонны, поскользнулась и упала. Перепачкавшись в крови, вытерла ладошкой лицо так, будто стирала шоколад. Остальные дети смеялись, но ничего не говорили. Глаза у них были пустые, будто стеклянные. Павел впал в ступор, не понимая, что ему делать. Страх парализовал его. Дети шли в головной вагон.

– Остановитесь! – приказал им Саша, но слова растворились в воздухе, не вызвав никакого эффекта. Собака подскочила к одной девочке и слегка прикусила её за ногу, но боль тоже не отрезвила ребёнка. Дети, как послушные крысы под дудочку крысолова, шли вперёд.

– Нужно другое средство! – в отчаянии крикнул Саша.

Поезд тряхнуло ещё раз.

Киевская пионервожатая не теряла времени даром. Родион медленно сползал по стенке, словно каждое прикосновение к девушке забирало его силы, но не мог остановиться. Девушка целовала его. Жарко. Пылко. Властно. Требовательно. Сознание юноши затуманивалось.

Девушка принялась бесцеремонно срывать с него рубашку. Прикосновения её рук превращались из невесомых и ласковых в жадные и хищные, словно она хотела содрать с него кожу. Наконец её ногти вонзились в его тело, и Родион охнул от боли.

Девушка отстранилась и улыбнулась ему.

– Любимый, поцелуй меня, – страстно прошептала она.

Глаза Родиона закрывались сами собой. Перед тем, как парень окончательно впал в бессознательное состояние, в памяти его возник образ молоденькой голубоглазой девушки. Она стояла на мосту и звала его: «Родя! Очнись! Открой глаза! Родя! Если ты погибнешь, кто защитит его?!»

В следующее мгновение перед глазами пронеслись осколки воспоминаний: то, как он очнулся на лесопилке далеко за Уралом, как переехал в Санкт-Петербург, как искал её, свою Сонечку, как нашёл, когда было поздно, как пообещал ей...

Родион открыл глаза и с силой вырвался из объятий девушки. Точнее, подобия девушки: ногти её превратились в острые гниющие когти, челюсть отвисла, из-за двух рядов акульих зубов вываливался фиолетовый полусгнивший язык.

Родион увернулся от когтей, выбил дверь топором и выпал из вагона.

Мохнатая тварь прыгнула на доктора. Евгений перекатился по земле, уворачиваясь от неё. Места под манёвр особо не было. Док соскользнул по гравию вниз, напрямик в холодное

болото, разлившееся под насыпью. Это была ловушка: тварь стояла прямо над ним. Раскрыв огромную пасть и хрипя что-то на своём неведомом языке, она поднялась в воздух, а затем спикировала прямо на жертву.

– Не верю! – крикнул Евгений.

Тварь зависла в воздухе. Врач быстро вскарабкался вверх по склону и, не обращая на неё никакого внимания, прошёл мимо, словно это было что-то совершенно обыкновенное. В следующую секунду чёрт рассыпался в пыль.

Евгений поковылял к вагону. В этот самый момент из соседнего выпал Родион.

– Док! Берегись! Я нашёл, что это! – крикнул он.

Стоило Родиону закончить фразу, как по составу прокатилась волна, разбившая все окна. Парни едва успели прикрыться от брызнувших во все стороны осколков.

Убедившись, что больше на него ничего ниоткуда не сыплется, Женя подбежал к Родиону.

– Это ещё что за хрень?! – изумлённо воскликнул доктор.

– Там какая-то девушка, то ли призрак, то ли демон, я не знаю!

– Почему ты её не убил?!

Родион отвёл взгляд.

– Я не смог.

Женя выругался и полез обратно в вагон. За ним последовал Родион.

– И где она?!

Перемазанные кровью дети дошли до противоположного конца вагона и остановились в его начале. Они уже не смеялись, но лица их по-прежнему хранили широкие улыбки, которые в сочетании с бессмысленными, глядящими в никуда глазами смотрелись особенно жутко. Павел, стоящий с собакой в середине вагона, старался лишний раз на них не смотреть.

Внезапно дверь тамбура распахнулась и в вагон стремительным шагом вошла девушка в белом платье. Её длинные чёрные волосы были распущены, и разноцветные ленты развеивались в них. Девушка шла прямо к детям, будто бы не замечая мужчины и собаки на своём пути. Она улыбалась ангельской улыбкой, поглаживая небольшой сверток, который прижимала к груди. Заметив её, дети заулыбались ещё шире, однако с места не сдвинулись.

Собака, зарывав, бросилась девушке навстречу, стремясь отрезать её от детей. Ведьма выкинула вперёд руку с когтями, и порыв ветра смахнул собачку с в другой конец вагона. Павел подхватил животное в полёте.

– Саша, беги отсюда! – приказал он парню, который в это время находился в купе, уже оставшемся у ведьмы за спиной.

– Но тут дети! – попытался возразить парнишка, высовываясь в коридор и оценивая обстановку.

– Ты не поможешь им сейчас ничем! Брось их! – крикнул Павел.

Однако Саша вывалился из купе побежал к детям. Ведьма раскинула в стороны руки, когти её удлиннились и устремились проткнуть обоих мужчин разом. Камни в руке Павла засветились ярче. Он закричал:

– Чубарый, Гнедой, Заседатель, унесите нас!

Три яркие вспышки на миг осветили вагон. В последний момент Павел кинул один камень прямо в лоб Саше...

...И они оказались в соседнем вагоне.

– Саша, это были последние заряженные камни! Больше этот трюк не сработает! – Павел был в ярости.

– Не нужно было нас телепортировать! Она убьёт всех этих детей! – негодовал в свою очередь Саша. Затем отлепил от себя тускнеющий камень и сунул в карман.

– Ну, это мы ещё посмотрим, – мрачно проговорил Павел. – Как ты думаешь, кто это может быть?

– Ведьма малороссийская, костюм народный был на ней, – заметила собака.

– Мне ни о чём не говорит, – буркнул Саша.

В этот момент дверь тамбура открылась и в вагон ввалились Евгений и Родион.

– Где эта мразь?! – с порога выпалил Евгений.

– В первом вагоне. Вместе с детьми. Очень сильная, – протараторил Саша.

– Удивительная наблюдательность, – сыронизировал доктор.

Потолок вагона вдруг задрожал, будто по нему пробежало что-то тяжёлое, а через несколько мгновений поезд тронулся.

– Есть предложения, что именно мы будем с ней делать? – осматривая топорик, спросил Евгений.

– Очевидно, позовём чайку выпить! Снесём ей голову к чёртовой матери! – выпалил Саша.

Родион высунулся в окно:

– У нас есть ещё одна проблема. Поезд вновь отправился, но он как-то быстро едет, вы не находите?

– Я должен кое-что посмотреть! – словно что-то вспомнив, сказал Павел. Он достал из кармана маленький камень и что-то прошептал над ним, потом вытащил флакончик и вылил жидкость, напоминающую красное вино, прямо на драгоценность. Из камня вырвался нелепо одетый человечек: все вещи были ему велики, он был курнос и большегуб.

– Старый хозяин, что ты хочешь от меня? – спросил он.

– Петрушка, славен ты своими путешествиями, нет тебе равных в них. Беги вперёд, обгони этот поезд, посмотри, может ещё тварей каких выпустила эта бестия.

– Посмотреть, так посмотреть, – хмыкнул маленький человечек и исчез в окне.

Оксана уселась на пол посреди вагона. Дети обнимали её, гладили по волосам, а она смеялась громко и звонко.

– Я уведу вас всех далеко-далеко, где мой господин исполнит все ваши просьбы. И вы никогда-никогда не будете взрослеть! Господин! Мы идём! Мы идём к тебе! – высоким возторженным голосом говорила она.

Господин снился ей каждую ночь. Господин просил, чтобы она пришла и разбудила его. Казалось, в её жизни и не было никакой другой цели, кроме как исполнить эту миссию. Господин обещал, что за своё пробуждение он даст ей лучшего мужа, такого, какого она пожелает. Такого, который будет её любить.

Дверь в вагон первого класса с грохотом отворилась. В проёме стоял Родион, сжимая в руке топор.

– Отойди от детей, тварь! – жёстко потребовал он.

Оксана подняла на него виноватые глаза и хихикнула:

– А ты настырный.

Девушка встала, гордо вскинула голову. С равнодушным лицом она подошла к телу мужчины, лежавшему на одной из нижних полок ближайшего к ней купе. С силой запустила руку в его грудь и со звуком трескающихся рёбер резко вырвала сердце. А потом равнодушно вгрызлась в него зубами, словно в какой-то фрукт, глядя при этом Родиону прямо в глаза.

Парень приготовился к атаке.

– Не трожь! – раздался вопль Саши, который протиснулся в вагон и кинулся к ведьме.

– Стой, дурак! – Родион бросился следом.

Расстояния между парнями хватило, чтобы ведьма пропала и появилась как раз между ними. Из рук её вырвались потоки воздуха, сбившие с ног обоих. Ведьма исчезла. Дети исчезли тоже. Все дети.

...По дороге из Санкт-Петербурга в Москву вы всегда проезжаете Тверь. И это одно из немногих мест, где Волга имеет настолько узкое русло.

Поезд неминуемо приближался к мосту. В локомотиве не было ни единой живой души, кроме пары чертей, которых за живые души едва ли можно считать. Один из них ядовито хихикал и нажимал на кнопки управления поездом. Его товарищ, мелкий бес, поедая лежащего рядом машиниста...

Две огромные твари, невидимые для человеческих глаз, похожие на быков со множеством хвостов, появились из воды прямо под мостом. Одна из них открыла пасть и вцепилась в каменные основания моста прямо посередине. Вторая повисла лапами на металлических конструкциях пролётов и начала с силой тянуть вниз. Конструкции задрожали и стали медленно изгибаться.

Вернувшийся Петрушка нашептал о тварях, ломающих мост, Паше, поклонился и тотчас пропал внутри камня.

– Плохо дело, – выдохнул Павел.

Женя и собачка тем временем приводили в чувство отключившихся Родиона и Сашу.

– Кто же мог подумать, что она – сердцеедка в прямом смысле этого слова?! – очнувшийся Родион резко сел и тут же расстегнул верхнюю пуговицу рубашки: ему становилось всё труднее дышать. Металлический привкус собственной крови вовсю ощущался во рту. Силы кончались очень быстро.

– Надо отцеплять этот чёртов поезд, – решительно сказал Павел. – Она пустит его с под откос.

– На крышу. Лезь. Мест нет. Там она, – гавкнула собака.

– Зачем ей на крышу? – спросил Родион, подтягивая к себе топор.

– Я не знаю, кто она. Но ей нужны жертвы. Много жертв! – пролаяла корги.

– Дурацкая баба!.. – плюнул Евгений.

– Это не всё. Дружки дурацкой бабы сейчас ломают мост через Волгу, – сообщил Павел.

– А вот это вот совсем не здорово, – буркнул доктор.

– Разделяемся! – велела собака.

– Я займусь поездом, попробую отцепить вагоны. – Родион кивнул им и удалился в сторону локомотива.

– Разберёмся с ней, а если что, я займусь мостом, – сказал Евгений.

К этому моменту Саша как раз пришёл в себя.

– Имя! Чтобы отправить её обратно, мы должны знать её имя! Подумайте: жертвоприношения, женщина, ведьма – кто это? – тараторил Евгений.

– Срочно на крышу! – вдруг крикнул Павел с таким видом, будто его осенило.

И ребята дружно полезли на крышу первого вагона.

– Ты понимаешь, что если нас там долбанёт током, то погибнем мы вполне себе по-настоящему? – опасаясь за свою и так чуть скоропостижно не окончившуюся жизнь, заметил Саша.

– Жизнь – это лишь способ существования белковых тел, – с философским равнодушием заметил Женя, не преминувший в своё время ознакомиться с трудами Фридриха Энгельса.

Саша только закатил глаза.

Они вылезли на крышу. Ведьма стояла там, её белое полупрозрачное платье и ленты развевались на ветру. Она пела, и весь поезд шатало из стороны в сторону.

– А ну, стой! – рявкнул Саша, но его голос потерялся в шуме ветра.

Ведьма раскрыла рот – точнее, её нижняя часть просто отвалилась, – и из глотки полез длинный фиолетовый язык. Саша не успел и глазом моргнуть, как этот язык точно кнут обвил его щиколотку и резким рывком сбросил парня с крыши. Он с воплем улетел куда-то в кусты.

– Восстаньте! – властно произнёс Павел, представляя себе те искорёженные тела, что остались внизу. И сжал руку в кулак.

Из вагона стали подниматься прозрачные зеленоватые силуэты людей. Ведьма заулыбалась:

– Оооо, а вот и твоя сила!.. Ты чувствуешь, как ты и сам переполнился ей среди этих мертвецов?

Павел вздохнул. В этот момент Евгений перепрыгнул на крышу локомотива.

– Оставляю её на тебя, хочешь глянуть кое-что!.. – крикнул он Павлу.

– Хорошо, – флегматично кивнул мужчина, почесал нос и посмотрел на девушку. – Что ж. Я так понимаю, что раз наши силы здесь равны, то...

– Досадно, правда? – Она хихикнула. – Так значит, вы и есть знаменитые Книжные Черви?

– Да, – кивнул Павел, несколько удивлённый её осведомлённостью.

– Ты отличаешься от того, каким должен быть... Тебя, как и меня, призвали в человеческое тело?

– Не твоё дело, – холодно отрезал мужчина.

– Моё. – Оксана материализовала из воздуха сверток, который заорал детским голосом. – Если ты не хочешь, чтобы я съела его прямо сейчас, ты всё расскажешь.

– Зачем тебе это?

– Для моего господина! Так что, колдун, назови имя той мрази, что тебя создала.

– Мрази? – задохнулся от возмущения Павел. – Он был великим человеком! Я благодарен ему...

Ведьма расхохоталась.

– Ну конечно, он ведь не сломал твою жизнь! – Она прищурилась: – Или сломал?

Павел растерянно молчал. Он не знал. Его судьба была написана и уничтожена. Человек, сотворивший его, подарил ему настоящую свободу. Настоящее право на искупление. Право выбора.

– Смотри, колдун! Я покажу тебе кое-что!

Глаза ведьмы сверкнули.

Родион стоял на переходной площадке локомотива и смотрел на вагонную сцепку. Он понимал, что, если отцепит состав на такой скорости, жертвы будут всё равно. Поэтому он вернулся в вагон и попытался для начала замедлить поезд стоп-краном. Состав тряхнуло, и он начал замедляться. Это был шанс. Родион вернулся на площадку, ухватился одной рукой за огораживающие её перила, а второй рукой, с топором, упёрся в сцепку, используя топор как рычаг. Надавил. Раздался щелчок, а потом всё заклинило. Парень выругался: без применения силы здесь было не обойтись.

Евгений вошёл в кабину машиниста. Пара чертей оскалила зубы при виде доктора.

– Не верю! – уже привычно выкрикнул он, но... ничего не произошло. Чёрт, доедающий то, что когда-то было машинистом, рассмеялся. А потом резко прыгнул на Евгения.

Доктор молниеносно уклонился от мохнатой твари, вскинул руку с ножом и бросился на чёрта сам, на опережение. Точный колющий пришёлся адскому адепту прямоком в глаз, и тот завизжал. Второй чёрт оторвался от ломания кнопок и накинудся на незваного гостя.

Позади Евгения возникла собака и с рыком прыгнула на чёрта, атакующего доктора.

Это явно была не ночь Александра. Всё, что с ним сегодня происходило, это то, что его бросали обо что-то, и бросали больно. Кусты встретили его с распростёртыми объятиями, немного смягчив удар, но Саша всё равно расквасил половину лица, колени и ладони, но явно легко отделался. Он кряхтел и охал, пока не понял, что выбора нет: нужно пытаться догнать проклятый поезд.

Хромая, Александр двинулся по шпалам.

– «Черви без нас не справятся, Саша... Не поедем на „Сапсане“, Саша... Это дорого, Саша, даже живи мы сейчас в девятнадцатом веке...» – бормотал он себе под нос, явно передразнивая кого-то.

Прервав наконец свои стенания, Саша вслушался в темноту, в затихающий шум удаляющегося поезда. Пошарил по карманам в поисках мобильного или ещё чего-нибудь, что могло ему помочь, но не нашёл ничего, кроме небольшого золотистого драгоценного камня, того самого, который в него бросил Павел.

Саша взял камень в окровавленную руку. Тот слабо засветился.

– Хм... кажется, это Чубарый, – задумчиво пробормотал парень. – Интересно, как он их призывает?..

Шум поезда окончательно стих в отдалении. Парень присел на рельсы и пристально посмотрел на камень.

– Чубарый! Чубарый, явись мне! – попытался приказать он.

Ничего не произошло.

– Чубарый! Приди ко мне! – вновь попробовал парень.

Тишина.

Саша хмыкнул. Он знал, что эти камни могли мгновенно телепортировать кого угодно на небольшие расстояния по приказу владельца. А ещё в каждом из камней была заключена душа преданного слуги.

– Да что ж за лошадь-то такая бесполезная! – закричал в сердцах Саша.

Вдруг камень в его руке задрожал, неяркая вспышка отбросила парня в сторону. Когда он открыл глаза, на щебне стоял светлой масти конь в мелких тёмно-коричневых пятнах и бил копытом.

– Так вот какое заклинание призывает! – обрадовался Саша. – Чубарый, иди сюда, бестолочь.

Конь заржал. Саша подошёл к нему, запрыгнул на спину, ухватился за гриву.

– Н-но, давай, Чубарый, давай! За поездом!

И конь, взяв прямо с места в галоп, помчался вслед за скрывшимся составом.

Александр засмеялся:

– Шевелись, Плотва!

Павел стоял посреди незнакомой ему комнаты – небольшой, сумрачной, освещаемой лишь неверным светом огня, горевшего в камине. По всему полу валялись книги, разорванные листы бумаги, осколки разбитой посуды. У камина сгорбившись сидел человек с длинными тёмными волосами, скрывающими бледное лицо. Он плакал. Сердце Павла забилось быстрее. Он сделал несколько шагов к человеку, окликнул его, но тот не шевельнулся. Павел понял, что человек его не замечает.

Окно распахнулось порывом ветра, и чёрная тень медленно стала подбираться к камину.

– Ты жалок, Николка. Ты жалок. Удивительное чувство – осознавать, что и тебе скоро тоже придёт конец. Но не бойся. Я буду к тебе милосерден. Ты не умрёшь с первого раза. Забавно. Как твой герой, которому ты дал свободу... Ты убил его. Уничтожил своё творение... Твой герой умрёт дважды. Ты обречён на ту же судьбу, – вкрадчивым гипнотизирующим полупшёпотом говорила тень.

– Что ты такое? – бессильно спросил писатель – а у Павла уже совершенно не осталось сомнений в том, что сжавшийся в кресле измученный человек именно писатель.

– Я тот, кто приходит во сне... – всё тем же негромким голосом, от которого веяло неизбывной жутью, отвечала тень.

Человек в кресле широко распахнул глаза и закричал.

– Пора платить. Помнишь наш уговор? Ты сможешь творить до тех пор, пока не устанешь... смертельно. А когда это наконец случится, ты захочешь спать... И тогда она придёт за тобой во сне... Сколько ты сможешь не спать?

Картинка сменилась. Перед глазами Павла возникла тёмная спальня. Лампада догорала на подоконнике. И мужчина из видения уже лежал в кровати и бредил.

– Не надо, не нужно... Не хороните... Проверьте, что я не уснул!.. Проверьте... Я не сплю... Не сплю! Не хороните!

Картинка снова сменилась. Павел оказался посреди темноты. Темнота окутывала его, ничего не было видно. Через несколько секунд он услышал кашель. И громкий горловой звук, не то хрип, не то вой:

– Помогите!

Это был мужской голос, очень хриплый, очень испуганный. Вслед за этой мольбой Павел услышал стук по доскам.

– Господи... Помогите! Господи. Господи... Я же не сплю. Я больше не сплю...

Снова стук. Павел побежал на звук, но, казалось, звук был повсюду и нигде. Мужчина, молящий о помощи, хрипел и плакал, его голос с каждой секундой всё больше напоминал голос потерявшегося в лесу ребёнка. Стук превращался в звук царапанья по доскам. Судя по звукам, мужчина лихорадочно ворочался. Павел очень хотел помочь этому кричащему, искал источник звука.

Мужчина задыхался. Задыхался и стучал по доскам. Потом силы его, видимо, иссякли, и он больше уже не пытался вырваться из своей темницы. Он мог только кричать. Кричать отчаянно, словно его резали живьём. Мужчина кричал что-то бессвязное, кричал до тех пор, пока голос его не сорвался, и он сам не перестал слышать себя.

В этот момент Павел достал из-за пазухи шкатулку из красного дерева и открыл её.

Наваждение прекратилось. Они с ведьмой всё ещё стояли на крыше поезда.

– Это твоих рук дело?! – закричал Павел, теряя самообладание. – Это ты убила его?!

– Не я. Но я довольна, – с улыбкой ответила ведьма.

– Теперь у меня нет сомнений, что мы с тобой дети одного пера... Панночка, – сквозь стиснутые зубы процедил мужчина.

– О, давно уже никто не называл меня так... любезный Павел Чичиков, – обрадовалась девушка.

– И больше не назовёт!

Павел поднял рукав: на руке сквозь кожу проступали письмена на неизвестном языке.

– Придите на мой зов! Те, кто мёртв внутри! – воззвал он.

Перед мужчиной стали возникать светящиеся фигуры. Они набросились на ведьму и вцепились в свёрток. Она безуспешно пыталась вырваться из объятий душ. Чичиков кинулся к ней под ноги, Панночка споткнулась и рухнула на него, выронив свёрток. Ребёнок заорал и полетел напрямик под поезд. Павел кинулся к краю крыши, но было поздно.

– Поймал! – В следующую секунду послышался радостный голос откуда-то снизу.

Мужчина всмотрелся в темноту. За поездом, в лучших традициях фильмов про Дикий Запад, мчался конь, а на нём сидел Александр Чацкий: одной рукой парень уцепился за гриву, а другой крепко прижимал к себе свёрток с младенцем. Павел выдохнул. Панночка, избавившись от части душ, пытавшихся её зафиксировать, раскрыла пасть и издала вопль, от которого заложило бы уши даже у мёртвых. Призраки отхлынули прочь, а она, воспользовавшись секундной заминкой, прыгнула с крыши прямо в материализовавшийся из воздуха летающий гроб и устремилась прочь. Светящиеся фигуры кинулись вслед за ней. Павел выругался и стал перебираться на крышу локомотива.

Евгений Базаров смотрел на место машиниста, понимая одно: хоть сейчас они с Муму и смогли уничтожить пару чудовищ, эти твари успели сломать всю систему управления, и сейчас поезд на приличной скорости несётся навстречу гибели.

– Муму, где дети? – поинтересовался врач.

– Они в вагоне соседнем. Все. Стоят, словно замороженные и окаменелые, – ответила собака.

– Проклятье, – только и смог сказать на это Базаров.

А больше Евгений сказать ничего не успел, потому что в следующий миг лобовое стекло разлетелось на тысячи осколков, накрывая стеклянной метелью его и Муму. Вместе с осколками в кабину влетели обломки досок, одна из которых вонзилась Базарову чуть ниже правой ключицы, глубоко войдя в тело. Взрыв от боли, он осел на пол, жадно хватая ртом воздух.

Не успела Муму понять, что происходит, и броситься к раненому другу, как с крыши в разбитое окно влезла Панночка. Сейчас она снова была куда больше похожа на чудовище, чем на девушку, и передвигалась на четвереньках по потолку, как паук. Муму сообразила, что ведьма протаранила гробом стекло, сумев, однако, в последний момент перепрыгнуть на крышу. На ней не было ни царапины, чего нельзя было сказать о корчившемся на полу Базарове.

Ведьма оттолкнулась от потолка, сделала сальто и приземлилась на пол между Муму и Евгением. Собака кинулась на неё, вцепившись в когтистую руку мёртвой хваткой, однако противостояние продолжалось недолго: свободной рукой Панночка полоснула Муму по боку, та разжала зубы, упала на пол и заскулила.

Поезд приближался к мосту.

Оксана уже занесла руку, чтобы проткнуть собаку насквозь, как вдруг ладонь её словно ударила о невидимую преграду. Ведьма сделала шаг назад, но и там почти сразу же наткнулась на прозрачную стену. То же самое повторилось и слева, и справа. Панночка пыталась выбраться, но билась о незримый барьер, и на лице её отражалось всё возрастающее недоумение. Муму тоже смотрела на это с удивлением.

На крыше Павел закончил рисовать прямо над ведьмой меловой круг и сейчас лежал, тяжело дыша.

В кабине машиниста появился Родион.

– Вовремя! – гавкнула Муму.

Раскольников, ни секунды не колеблясь, ударил ведьму топором по голове. Она упала на панель управления и больше не шевелилась.

– Ну вот. Осталось остановить поезд, – осматривая стонущего Базарова, произнёс Родион.

– Можешь вытащить из меня эту хрень? – морщась, попросил Евгений и кивнул на торчащую из него деревяшку.

– Угу. На счёт «три». – Родион упёрся ладонью левой руки товарищу в грудь, а правой крепче ухватился за обломок доски и, сосчитав до трёх, дёрнул его на себя.

Базаров мертвенно побледнел и выдал пару слов, от которых Муму прижала уши к голове, а Родион усмехнулся. Из нормального человека после такой манипуляции хлынула бы кровь, но Евгений свёл брови и стиснул зубы, и уже через несколько секунд рана под ключицей затянулась, оставив на память о себе лишь дыру на футболке. Точно так же затянулись и многочисленные мелкие порезы на руках и лице, оставленные стеклянной крошкой. Такова была сила его дара, его нигилизма, отменяющего всё, во что хозяин не желал верить.

Муму тем временем запрыгнула в кресло машиниста и поставила лапы на приборную панель.

– Слишком быстро идёт. Жертвы будут, отцепим мы если, – заметила она.

Евгений попытался встать, но тут же снова скривился. Правая рука повисла плетью, отзываясь мучительной болью при малейшей попытке ей шевельнуть. Прежде он не обращал на это внимания, слишком занятый дискомфортом, который причиняла деревяшка.

– Перелом. Точно перелом. – Доктор злился: дар его имел свой лимит и требовал времени на восстановление, а остаток сил был ему в данный момент необходим для другого дела.

– Мы все сейчас можем погибнуть, а тебя беспокоит твой перелом? – Родион хотел добавить ещё что-то возмущённое, но Женья спокойно отозвался:

– Нет, по правде говоря. Отцепляй. Я просто *не верю* в то, что поезд можно разогнать до такой скорости.

Это «не верю» в устах Базарова приобретало силу могущественного заклинания. Время застывало, реальность менялась. Раскольников знал, что у него есть не больше минуты, чтобы отцепить состав от локомотива. Родион выглянул в окно.

Чацкий на Чубаром скакал рядом с поездом. Зачарованный конь не чувствовал усталости и не отставал.

– Саша, я отцепляю, если что – пострадавшие на тебе! Давай! – изо всех сил крикнул Раскольников, выходя на внешнюю галерею локомотива и направляясь в его заднюю часть, к сцепке.

– Слушаюсь, не помрите там! – Саша остановил коня.

Оказавшись на переходной площадке, Раскольников что-то прошептал над топором и тут же стал увеличиваться в размерах. Сила переполняла его. Топор в его руке увеличился тоже. Поезд продолжал замедляться. Занеся топор над головой, Родион изо всех сил ударил лезвием по сцепке. Во все стороны брызнули искры и полетели куски металла.

...Родион наблюдал за тем, как отцепившиеся вагоны зигзагами заносит друг на друга: медленно, с чудовищным скрежетом. Первый вагон сошёл с рельсов и устремился под откос, увлекая за собой второй и третий. Но состав был длинный, а Базарову всё-таки существенно удалось замедлить скорость перед отцепкой, поэтому другие вагоны не сошли с путей и не перевернулись. Краем глаза парень заметил Чацкого, который мчался к вихляющему составу, и вспышку зелёного света неподалёку – это телепортировался Чичиков.

«Вот дерьмо...» – устало подумал Раскольников, глядя на повалившиеся вагоны.

Смотреть дальше у Родиона сил не было. Терзаться чувством вины за содеянное – тоже. Он закрыл глаза, усилием воли возвращая своему телу обычные габариты. Сердце, как обычно после трансформации, бешено стучало, во рту стоял металлический привкус крови: сосуды не выдерживали таких нагрузок.

Подышав несколько секунд, Родион вернулся к Базарову, Муму и бездыханной Панночке.

– Ампутируй-ка этой красавице голову, Родя. Чтоб наверняка, – плюнул Базаров.

Раскольников без раздумий взмахнул топором, и голова ведьмы скатилась на пол.

Поезд качало и трясло, он продолжал мчаться навстречу своей гибели.

– Нужно и нам уходить. С ней уже кончено всё. – Собака запрыгнула на руки к Родиону, и тот привычно перекинул её на плечи, придерживая за лапы.

Друзья вышли на галерею, опоясывающую локомотив.

– Спрыгиваем? – обернулся к Евгению Родион.

Базаров поморщился.

– Давай, может, лучше с задней площадки? Не хотелось бы затянуться под колёса...

Парни направились в конец галереи.

– Ты не помнишь, надо прыгать по ходу или против хода? – задумчиво глядя на выбегающие из-под локомотива шпалы, поинтересовался Раскольников.

– Надо как-то, чтоб не в столб, – пасмурно отвечал Базаров.

Доктор взмахнул рукой, и пространство перед ними начало искажаться: рельсы, столбы и шпалы то появлялись, то исчезали; наконец мелькающие по обеим сторонам ёлки замедлились достаточно сильно, чтобы можно было попробовать спрыгнуть без риска сломать шею.

– Погнали! – крикнул доктор и первым сиганул с площадки. Следом за ним, прижимая к груди Муму, прыгнул и Родион.

Несмотря на все усилия Базарова, устоять на ногах друзьям не удалось. Однако им повезло: приземлились они не на щебень, а в жирную грязь, на которую так щедра была тёплая беснежная зима. Сгруппировавшись, скатились под насыпь – Раскольников прикрывал своим телом Муму.

...Они лежали на земле, покрытой сухой прошлогодней травой.

– Ну как? Мы все целы и невредимы? – неуверенно спросил Родион через пару мгновений, размыкая объятия и выпуская собачку.

– В порядке я! – бодро отрапортовала Муму, отбегая в сторону и отряхиваясь.

Базаров же вместо ответа издал страдальческий стон.

– Что?! – всполошился Раскольников.

– Рука, – мрачно процедил Евгений сквозь стиснутые зубы. – Я совсем забыл про неё, пока колдовал. А сейчас ей ещё раз досталось.

– Но мы же всё сделали. Теперь ты можешь исцелиться!

– Ага, чёрта с два я могу, – всё так же хмуро ответил Базаров. – Резерв на нуле, часа три пройдёт, прежде чем я хоть что-нибудь сумею.

– И что ты будешь делать? – не унимался Родион.

– Страдать, – огрызнулся Евгений.

В этот момент локомотив прямо посреди моста сошёл с рельсов и, красочно перевернувшись, плюхнулся прямо в Волгу, пустив волну до самых берегов. Чудовища, которые пытались сломать мост, исчезли, будто их и не было никогда.

Родион, Муму и Евгений потихоньку поковыляли к своим. Приближаясь к месту крушения, они слышали возглас Саши. Чичиков и Чацкий стояли возле вагонов, пытаясь пошевелиться, но у них ничего не получалось.

Время возле состава казалось застывшим, и не по велению Евгения. Никто не мог сдвинуться с места. Стояла какая-то неестественная тишина: ни порывов ветра, ни голосов. Не ощущалось даже запахов в воздухе. На стене одного из перевернутых вагонов сидела тень в цилиндре.

– Спасибо, мои дорогие Книжные Черви, – проникновенно начала она. – Вы помогли мне гораздо больше, чем эта глупая женщина.

Все герои обратили взгляды на фигуру. У Павла затряслись руки.

– Этот голос... Я помню его... Так это ты убил моего создателя?!

– Я, Чичиков? Как тебе сказать... если бы сейчас это имело хоть какое-то значение... Видишь ли, я никого не убиваю. Они умирают, потому что так положено. Им положено. И многим другим. А вы – вы просто ошибки. Вас не должно быть в этой реальности. И не будет. Очень скоро не будет. Некоторые постараются.

– Его не слушайте, – зарычала собака. – Опасен он.

– Ой, милая Муму. Собачий век вообще короткий. Но, я смотрю, с новым хозяином ты отлично ладишь, верно Базаров?

– Ты ещё кто? – презрительно поинтересовался Евгений.

– Давай опустим унылое описание персонажа. Я – это я. Сейчас я забрал с собой шесть недостающих детских жизней, ещё кто-то под руку попался, мне этого достаточно.

– Достаточно для чего?! – взревел ничего не понимающий Родион.

– Понимаешь, Родя... Каждый из них мог стать опаснейшим человеком. Хотя, чёрт, не люблю в их отношении слово «человек»... Ну да ладно, это необязательная информация. Они теперь никогда не сломают ничьи жизни. Жизни, подобные вашим.

Тень в цилиндре рассмеялась. Никто из присутствующих не мог даже пальцем шевельнуть, они все были беспомощны перед ним.

– Ладно, ребятки, не скучайте. Пойду, заберу Панночку.

– Твоя девка мертва, – не без удовольствия сообщил Базаров.

– Ой, как страшно. Она давно мертва. – Тень приподняла цилиндр. – Черви, вы самые настоящие идиоты, серьёзно. Ах, Чичиков, придётся и про тебя открыть маленькую приятную тайну. Ты и Панночка, вы не можете умереть оттого, что вам отрубят голову. Видите ли, какой-то идиот додумался украсть голову вашего создателя после его эксгумации, что случилось на ваших способностях. Очень забавная история. А сколько проблем она доставит! Штука-то какая... Вы могли сделать с Панночкой всё что угодно. Но. Именно отрубив ей голову, вы дали ей новую жизнь, так сказать. В следующий раз бей в сердце, Раскольников. Или у тебя тяга к ударам по головам? Ах да, наверное.

Чёрный Человек рассмеялся задорным смехом, поклонился и, надев цилиндр, исчез. Время снова пошло. Четыре молодых человека и собака ошарашено смотрели друг на друга. Павла всё ещё трясло. Родиону становилось страшно. Со стороны вагонов донеслись первые крики.

– Что мы наделали... – потрясённо прошептал Базаров.

Павел, Саша, Родион и Муму сидели на берегу реки. Раскольников кидал в воду камни, собака доедала последний завалившийся у кого-то крекер. Все чертовски устали.

– Я же говорил, что ненавижу Москву! – нарушил молчание Чацкий.

– Меня прям удивляет, как после такой бурной ночи у тебя остаются силы хоть что-то ненавидеть... – Чичиков откинулся на песок.

Солнце уже поднялось, а до места крушения наконец добрались спасатели, полиция и журналисты, и первые две группы развили бурную деятельность, время от времени гоняя лезущую под руку последнюю.

Со склона к друзьям спустился Базаров, отлучавшийся к составу.

– В общем, по всем официальным СМИ скажут, что поезд сошёл с рельсов. Неясно, когда восстановят сообщение, так что, видимо, – тут Евгений усмехнулся на одну половину рта, – придётся нам топтать до Москвы пешком.

– Чееегооо?! – в тот же самый миг взвился Чацкий. – Сам топай пешком!

– Тише, барчук, тише, – засмеялся Базаров. – Прогуляемся до Твери, а там сядем на электричку.

– А тела? – напомнил Чичиков, возвращая разговору серьёзный тон. – Прямо-таки никого не заинтересовали трупы с вырванными сердцами?

– Это страшная трагедия, – сухо произнёс Евгений, – но и о ней поговорят и забудут. А если кое-кто вмешается, то забудут очень быстро. И быстро замолчат.

Чацкий вскочил:

– Ты понимаешь, что это наша вина?! Что все эти люди погибли из-за нас?! И в итоге мы не поймали её!

– Мы предотвратили ещё большее количество жертв. Эта тварь далеко не уйдёт, – спокойно возразил Базаров.

– Она пыталась кого-то воскресить, – сказал Родион.

– Не «кого-то». Его зовут Вий, – тихо проговорил Павел.

– Это чудовище, которое могло убивать одним взглядом? – вспомнил Чацкий.

– Оно самое.

– Скорее всего, призыв случится в Москве. И все недавние нападения и смерти – дело рук Барыни и Непримириных. У меня есть ощущение, что с его появлением они вновь нарушат баланс сил. Это чудовище древнее всех нас, – задумчиво проговорил Чичиков.

– Надо внимательно почитать, покумекать, как его победить. – Родион встал и отряхнулся.

– И какой у нас план? – спросил Саша.

– План остаётся без изменений. Мы немедленно отправляемся на помощь Книжным Червям. – Базаров звонил Тёркину, но у того не отвечал телефон.

Подняв с земли рюкзаки, герои выдвинулись в путь. Они брели по берегу Волги к ближайшей переправе. День близился к полудню, и тени их пропадали на земле.

Чацкий некоторое время шёл, уткнувшись в свой смартфон, а потом вдруг закричал:

– Стойте! Я всё придумал! Я придумал, как нам победить Вия! Родион, срочно переведи мне на карту сорок тыщ.

– А что так мало-то? – ехидно поинтересовался Базаров, но в этот раз Чацкий, всецело поглощённый своим планом, оставил его реплику без внимания.

– Чего?! – охнул Родион, пытаясь понять, как дотянуть до зарплаты с такими-то тратами.

– Ничего. У нас же есть в запасе одна жемчужина, так?

– Допустим.

– Нам нужно съездить с этой жемчужиной в один польский городок, – не унимался Александр.

Все смотрели на юношу с полным непониманием.

– В общем, берём четыре билета в Польшу, жемчужину, и совершаем там призыв. Есть у них один парень, он как раз специалист по монстрам и чудовищам. Он поможет нам в нашей борьбе.

Любой призыв персонажа книги мог испортить бедолаге жизнь. А портить ещё одну книжную жизнь старшим товарищам Чацкого вовсе не хотелось. Но Муму всё же любопытствовала:

– И. Как. Зовут его?

– Геральт из Ривии! – сияя от восторга, сообщил Чацкий.

В следующий момент Саша получил хороший подзатыльник от Базарова.

И их путь продолжился.

Глава 0

Москва. Сентябрь 2018. 00:57

Зазвенело разбитое стекло. Взыла сигнализация, и истерический вопль её прокатился по Староваганьковскому переулку. Мужчина в сером костюме выпрыгнул из окна второго этажа книгохранилища Российской государственной библиотеки и неуклюже приземлился на асфальт. Несколько секунд он пытался прийти в себя, судорожно ощупывая карман пиджака, который чуть оттопыривался небольшим свёртком.

Ночная Москва шумела в какой-то сотне метров от него Воздвиженкой и Моховой, на которых даже в столь поздний час не прекращалось движение. Мужчине казалось, что в этом шуме его единственное спасение, и он поспешил по переулку вниз, думая лишь об одном: «Скорее к метро. К людям».

Несколько мгновений спустя из разбитого окна книгохранилища высунулась коротко стриженная черноволосая женщина; смахнув с лица непослушную вьющуюся прядь, она проследила взглядом за удаляющимся беглецом. Чертыхнувшись, легко перемахнула через подоконник. Взметнулись полы длинного чёрного плаща, и она, словно огромная тёмная птица, опустилась на землю.

– Маргарита Николаевна, упустишь, ускорься, – раздался голос из наушника.

– Да знаю я! – рыкнула женщина и бросилась в погоню.

Мужчина свернул на Воздвиженку, помчался к метро, однако ближайший вход в подземку – станция «Александровский сад» – оказался закрыт на ремонт. Другой ближайшей станцией была «Арбатская», однако беглец вспомнил слова своего нанимателя о том, что если вдруг что-то пойдёт не так, то в переходе, ведущем к «Библиотеке им. Ленина» его будет ждать подмога. Он взбежал вверх по лестнице к памятнику Достоевского. За ним желанный вход. И люди, которые помогут избавиться от погони. Но именно мысль о скором спасении стала губительной. У самого памятника мужчина споткнулся. Упал, неудачно подвернув ногу. Попытался подняться, но не успел.

За эти несколько секунд промедления женщина нагнала его.

– Помогите! – закричал мужчина, в надежде, что хоть кто-нибудь из редких прохожих обратит на него внимание. – Кто-нибудь, да помогите мне!

Маргарита чувствительно пнула его носком сапога под рёбра. Нависла над своей жертвой, неотвратимая, как стихийное бедствие.

– Я что, за тобой по всему городу носиться буду? – зло прошипела она. – Жемчужину. Быстро. Ты всё равно не можешь дальше бежать.

Мужчина безуспешно пытался подняться, тяжело дыша и ёрзая спиной по граниту.

– Жемчужину, – холодно повторила женщина.

Мужчина судорожно огляделся по сторонам, но помощи ждать было неоткуда. Дрожащей рукой он протянул свёрток. Маргарита резко вырвала его, быстро ощупала. Зрачки её гневно расширились.

– Её нет? Где она?

– Я не знаю. Мне велели просто забрать свёрток... Я ничего не знаю!..

Вместо следующего вопроса женщина ударила мужчину коленом в грудь:

– Не мямли!

– Мне заплатили... Мне сказали, что вы будете здесь!.. – сбивчиво забормотал беглец.

– Кто сказал?

В тот момент, когда Маргарита заглянула ему в глаза и поняла, что мужчина действительно ничего не знает, словно чья-то незримая рука толкнула её вбок.

Мужчина издал непонятный звук, напоминающий вздох удивления или ужаса, и обмяк. Женщина увидела, как чёрное пятно быстро расползается по серому пиджаку.

– Поздравляю, на соседней крыше, похоже, снайпер, – донеслось из наушника.

– Отлично, Вась, очень своевременное замечание! – раздражённо бросила Маргарита.

– Вали оттуда.

Маргарита кинулась в переулок, к припаркованному на стоянке мотоциклу, однако меткий выстрел прямо в колесо нарушил её планы. Женщина откатилась к ближайшей машине и затаилась за ней. Спрятавшись, она принялась стаскивать с себя сапоги и перчатки. Раздался ещё один выстрел. Женщина вынула из кармана своего плаща маленькую баночку с кремом и стала быстро намазывать им волосы и лицо.

Ещё один выстрел разбил заднее стекло автомобиля, за которым она укрывалась.

– У них там снайпер или идиот, палящий куда попало?! – возмутилась женщина.

– Он тебя пугает, Марго.

– Ага. Ужасно боюсь за чужое имущество. Всё, давай. Отключаюсь.

Маргарита выдернула наушник и, положив на асфальт, разбила его, как молотком, каблучком сапога. Ещё один выстрел спустил шину на соседней машине. Женщина расстегнула плащ. Всё тело её было совершенно прозрачным. Она намазала кремом ноги, ладони. Сбросила плащ на тротуар и... исчезла.

Человек, стрелявший в неё, хмыкнул. К месту уже стягивались полицейские машины, теперь и ему необходимо было как можно быстрее покинуть место преступления.

Глава 1

Девятикласснице Маше Семёновой казалось, что если она зевнёт ещё раз, то вывихнет челюсть. Урок литературы тянулся очень, очень медленно. Вроде бы, она успела переделать почти всё: почитать новости в соцсетях, поиграть в приложение, порисовать на полях тетради и ещё раз поиграть в приложение, а тем временем от занятия прошло каких-то жалких семь минут. Девочка тоскливо покосилась на пустующее место рядом с собой: в обычное время его занимала её лучшая и, откровенно говоря, единственная подруга Виолетта, которая делала пребывание в этой школе чуть менее невыносимым, однако сегодня она, видимо, решила прогулять. Оставалось только одно – лечь спать.

Загородившись баррикадой из всех имеющихся у неё учебников, Маша, которая предпочитала, чтобы её называли Мэл, (ну, и мы станем так называть) взяла в правую руку ручку, распустила фиолетовые волосы и с уверенным видом положила голову на тетрадь. Девочка подумала, что благодаря хрупкому телосложению из-за стопки книг её будет практически не видно, а та часть, что всё-таки останется на виду, вполне создаст иллюзию старательной ученицы, которая записывает каждое слово учительницы, уткнувшись носом в конспект. Впрочем, на самом деле все видели, что Маша бессовестно дрехлет.

– ...к доске! – сквозь дрему расслышала девочка резкий голос учительницы, однако у неё и мысли не возникло, что этот призыв имеет какое-то отношение к ней.

Мэл поняла, что вызывают именно её, только после того, как небезразличные одноклассники растолкали девочку.

– Семёнова, расскажите нам, пожалуйста, что же такого важного происходит во второй главе романа «Евгений Онегин»? – раздражённо повторила Любовь Ильинична.

Учительнице было лет шестьдесят, на своём веку она повидала десятки таких Семёновых и смотрела сейчас на Машу со смесью усталости и лёгкого отвращения.

Мэл подавила желание зевнуть ещё раз и посмотрела на литераторшу честными голубыми глазами. С места она поднялась, но к доске не пошла, решив сделать вид, что прослушала эту часть реплики. О правильном ответе она не имела ни малейшего представления, и потому молчала. С задних рядов слышались смешки. Девочку передёрнуло. Её бесило всё: эта школа, эти люди, эта бессмысленная русская классика. Осознав, что терять, в общем-то, нечего, Мэл выдохнула:

– Не знаю.

Любовь Ильинична постучала пальцами по столу. Молчание продолжалось.

– Мария, а что вы вообще знаете? – устала наконец ждать учительница.

– Я ничего не знаю, как Джон Сноу, – буркнула Мэл.

– Что-что, простите? – поморщилась преподавательница.

– Ничего.

Часть класса не просекла шутки с Джоном Сноу точно так же, как и Любовь Ильинична, но другая часть с готовностью рассмеялась. Не то чтобы Маша была в классе тем человеком, над чьими шутками всегда все смеются, однако обсуждать «Евгения Онегина» одноклассникам явно хотелось ещё меньше.

– Ну, что ж, Семёнова, – вздохнула учительница, – поздравляю тебя с очередной двойкой. – Она черкнула в журнале. – Что ты собираешься делать дальше?

– Не знаю, – теперь уже целенаправленно решила выбесить преподавательницу девочка. И ведь удалось!

– Ну, хватит. – Любовь Ильинична стукнула ладонью по столу. – Зато я знаю. Ты подготовишь доклад про работу Пушкина над романом. К следующему уроку. Причём материалы возьмёшь не из википедий всяких. Я требую, чтобы ты воспользовалась работами великих

советских критиков. Предупреждая твои вопросы: нужные книги ты точно найдёшь в библиотеке имени Ленина. Не развалишься, доедешь.

Мэл молча села на место. Прямо скажем, ей было чихать и на критиков, и на Пушкина, и даже на Советский Союз. Если уж говорить по правде, читать девочка не любила. Если только фанфики. Но она сомневалась, что в Ленинке найдутся фанфики, например, по «Евгению Онегину».

«А жаль», – подумала Мэл, уже попытавшись представить главного героя в кимоно и с катаной, убивающего боевых роботов. Но, кажется, в оригинале не было ни боевых роботов, ни катан, а сам главный герой был редкостным козлом...

В то время как Мэл ненадолго выпала из происходящего на уроке, воображая себе Онегина с катаной, отвечать вместо неё вызвалась Ольга Ковалевская.

Ольга была тем, что в столь нежно любимом учительницей литературы Советском Союзе традиционно называли «активистка, спортсменка, комсомолка, отличница и просто красавица». Она прекрасно успевала почти по всем предметам. Она играла в школьной волейбольной команде. Учителя на неё молились, поскольку, как правило, именно она оказывалась единственной из всего класса, кто знает правильный ответ тогда, когда его больше не знает никто. Семья у Ольги также была небедная и отнюдь не простая, но это для их школы – тоже весьма непростой – являлось как раз-таки нормой. Даже в условиях обязательной школьной формы Ковалевская умудрялась демонстрировать индивидуальность и выглядеть стильно. Если у Мэл в её полные пятнадцать лет была фигура угловатого подростка, а ростом она походила на семиклассницу, то высокая и стройная Ковалевская являла собой уже вполне сформировавшуюся девушку, которую не обходили своим вниманием иные одиннадцатиклассники. Добавим сюда же белокурые волосы, тонкие правильные черты лица, тёмно-серые миндалевидные глаза, умение краситься и держать себя... Словом, нет ничего удивительного в том, что Маша Ольгу терпеть не могла. Удивительно было другое. Казалось бы, при такой расстановке сил сама Ольга Мэл вовсе не должна была замечать, настолько несоизмеримо выше стояла Ковалевская в школьной иерархии. Однако Мэл чем-то её задевала, и Ольга не упускала ни малейшей возможности самоутвердиться за Машин счёт.

Сейчас Ковалевская стояла у доски и вдохновенно вещала об антитезе образов сестёр Лариных:

– ...в то время, как Татьяна, пусть и невзрачная внешне, являет собой глубокую и сложную, духовно богатую натуру, её куда более привлекательная физически младшая сестра Ольга – не более, чем пустая и бессмысленная кокетка...

– Угу, это, видимо, общая черта у всех носительниц этого имени... – не удержалась Мэл. Большую часть времени остроумие не было её сильной стороной, но сейчас прямо-таки звёзды сошлись.

Несмотря на популярность Ковалевской, в классе всё же прозвучало два-три смешка.

– Что ты там вякнула? – выходя из образа примерной ученицы, переспросила Ольга. – Рот свой закрой!

– Успокоились все! – жёстко потребовала Любовь Ильинична и строго уставилась на Мэл. – Да что же это такое сегодня? Семёнова! Ещё одна реплика, и пойдёшь к директору.

Однако Мэл уже не могла остановиться. Её переполняла злость.

– А может, это тебе стоит свой заткнуть привычным для тебя предметом, овца ты тупая? Или ты бесплатно не берёшь?

Класс уже откровенно веселился, несмотря на статус Ковалевской. Школьная популярность, увы, ненадёжная штука, и, каким бы ты ни был лидером, она не спасёт тебя от насмешек в случае удачной подколки. У Ольги же, как и у любой популярной фигуры, хватало скрытых недоброжелателей, которые никогда не стали бы задирать её от своего имени, но всегда с готовностью поддерживали такую инициативу у других.

– Семёнова! К директору! – взорвалась учительница.

– Как раз собиралась! – с готовностью ответила Мэл и, одним движением смахнув все свои вещи с парты в рюкзак, выбежала из кабинета.

К директору Мэл, разумеется, не пошла. Чего ради лишний раз отвлекать занятого человека? А к завтрашнему дню всё, глядишь, само собой забудется и утрясётся. Урок литературы на сегодня был последним, поэтому, проторчав до звонка в туалете на первом этаже (и мысленно посылая лучи поноса охраннику, который всё равно не выпустил бы её раньше срока), Мэл первой покинула школу и дворами направилась домой.

Поскольку дома её никто особо не ждал – вечно занятые родители целыми днями пропадали на работе – шла Мэл откровенно нога за ногу: пинала листья, считала ворон и листала новости на своём телефоне.

– «В Сокольниках крысы загрызли бомжа»... Потрясающе, звучит как начало песни... «На Бауманской молодая мама вывалилась из окна»... «Цены растут»... Может, начать писать рэп?.. Чисто по названиям... Какой отстой... – привычно беседуя сама с собой, вслух зачитывала она.

Для Мэл стало полной неожиданностью, когда в одном из пустынных дворов её вдруг обступили три её одноклассницы. Девочка была так погружена в свои мысли, что даже не услышала шагов за спиной: заметила девчонок, лишь когда две из них заступили ей дорогу. Обернулась, и увидела ещё одну позади. Одной из заступивших предсказуемо была Ольга. Две другие девицы – преданнейшая её свита. В пальцах у предводительницы была зажжённая сигарета.

– Что, коза крашенная, думала – выпендришься на меня и спокойно домой пойдёшь? – издевательски протянула Ольга, затягиваясь и выпуская струю дыма прямо Мэл в лицо.

Это была обратная сторона Ковалевской. Есть такие удивительные люди, которые умудряются прилично учиться, читать какие-то там книжки и при этом оставаться абсолютным законченным быдлом.

Впрочем, несмотря на численный перевес противника, а также на то, что сама Ольга была выше Мэл на полголовы, девочка не слишком-то испугалась. Как бы угрожающе блондинка себя ни вела, контингент их школы был не из тех, что практикуют метод «устроить тёмную». Так что Мэл брезгливо скривилась и помахала ладонью перед носом, разгоняя дым.

– Слушай, Ковалевская... – вполне миролюбиво начала она, – а не пойти бы тебе... дымить куда-нибудь в другое место?

– А что, тебе не нравится? – с неожиданно довольным видом поинтересовалась девушка.

Мэл собиралась найтись с ответом, но, похоже, её вдохновение на сегодня иссякло. Кроме того, её очень интересовало, что так порадовало Ковалевскую. Впрочем, это выяснилось буквально через секунду. Ольга вовсе не собиралась запугивать Мэл физической расправой. Она, как та собака из мема, «делала больно иначе».

– «Только в дыме сигарет я понимаю “да” или “нет”», – манерно растягивая гласные, проговорила блондинка.

От этой фразы Мэл перекошило. Ощущение было такое, словно она пропустила удар в живот и теперь не может вдохнуть.

– Чего ты твякнула? – сузив глаза, очень тихо переспросила она.

– Эй, камон, Семёнова, ты серьёзно думала, что твою писанину нельзя найти? Ты бы хоть группу закрытой сделала, чтобы не позориться. А Виктор Ви, который тебе всё лайкает и комментит, – это, я так понимаю, Меньшикова. Больше слушателей твоей фигни нет?

– Оль, ну тут восемь человек, ты чо, – «вступилась» за Машу одна из Ольгиных подруг, глядя в экран своего телефона.

– Да это боты их... – отмахнулась блондинка.

Две девицы из свиты Ольги принялись наперебой зачитывать отрывки из текстов Машинных песен.

Меньше всего Мэл хотелось, чтобы кто-то узнал про то, что она что-то пишет и где-то выкладывает. Группу она завела совсем недавно, да и особо не пиарила нигде. Но в одном одноклассницы были правы – нужно было закрывать.

– Чё, рокстар? «Твои сине-зелёные глаза, не пойму: нефрит или бирюза...» – не унималась Ольга.

Удар ниже пояса. Слова из песни, написанной Мэл о парне, который ей нравится, но которому она, конечно, об этом никогда не расскажет. Девочка рванулась вперёд и выбила из рук у Ольги телефон. Тот упал на асфальт экраном вниз, а в следующую секунду Мэл вцепилась обидчице в волосы. Та завизжала. Ольгина свита подбадривала свою предводительницу воплями, но сама в драку не вмешивалась.

Гнев Мэл утих так же стремительно, как и вспыхнул. В голову ей вдруг скакнула мысль о том, что нападение на отличницу и любимицу учителей может повлечь за собой изрядные неприятности в дополнение к тем, которые она уже и так имела из-за своего асоциального поведения и низкой успеваемости. Девочка попыталась отпустить верещащую блондинку, но рукав её вязаного свитера зацепился за Ольгину серёжку.

– Помогите! – завопила та, когда Маша дёрнула её за ухо.

Мэл решила, что надо сваливать любой ценой. Она резко рванула рукав. Ольга закричала на весь двор, будто бы её резали. Мэл стало по-настоящему страшно, однако в то же время она почувствовала, что наконец свободна, и бросилась наутёк.

Пулей вылетев из двора, Мэл неслась до тех пор, пока хватало дыхания. Однако физкультура не входила в число её любимых школьных предметов, как, впрочем, и ни один другой предмет, и потому хватило его очень ненадолго. Убедившись, что она, тем не менее, убралась достаточно далеко от места стычки, Мэл перешла на торопливый шаг. Она тяжело дышала, мысли прыгали. Несмотря на демонстративное безразличие к школьным правилам, девочка очень боялась серьёзных неприятностей, и потому думать сейчас могла только о возможных последствиях своего поступка. Взгляд её вдруг упал на злосчастный рукав, разом заставив Мэл похолодеть: на нём красовались пятна едва подсохшей крови, а на одной из петель висела старинного вида покореженная серебряная серёжка с жемчужиной.

«Нет. Нет-нет-нет... – леденя, подумала Мэл. – Только не говорите, что я оторвала ей ухо... Если начнутся разбирательства, получится, что я не только покалечила эту овцу, но ещё и ограбила...»

Мэл схватилась за голову. Теперь либо штраф, либо вообще посадят. Девочка отцепила серьгу от свитера, машинально сунула её в карман и быстро пошла в сторону дома. По дороге она лихорадочно соображала, кому может позвонить в такой ситуации, но по всему выходило, что выбирать ей особенно и не из кого. Только один человек мог ей помочь. Трясущимися руками Мэл вытащила телефон и открыла контакты.

Виолетта ответила после первого же гудка. Не тратя время на приветствия, Мэл сбивчиво изложила ей последние новости.

Ви выслушала не перебивая. Когда девочка закончила, подруга коротко присвистнула.

– Да, дела... – задумчиво протянула она.

– Сама знаю, что «дела», делать-то мне чего?! – паникуя, воскликнула Маша.

– Так, спокуха, – твёрдым голосом потребовала Виолетта. – В первую очередь – не истерить. Посмотрим, как будут развиваться события. Может, Ковалевская ещё сама никому ничего не расскажет. Если это дело начнут раскапывать, всплывёт ещё много всего интересного, что её репутации совершенно не на руку.

– А если я ей ухо оторвала?! – не унималась Мэл.

– Ну, значит, будет как Ван Гог...

– Ви!

– Да не оторвала ты ей ухо! В худшем случае – порвала мочку, да и то вряд ли. Скорее всего, замок серёжки от рывка расстегнулся. Ну, наложат, может быть, пару швов...

– Ты думаешь? – уже немного спокойнее переспросила Мэл.

– Уверена. Но в школе тебе пару деньков лучше не появляться. Посиди дома, успокой нервы, пусть там всё уляжется. Пожалуйтесь матушке на переутомление, она тебе записочку нарисует. Заодно, пока будет свободное время, сделаешь этот злосчастный доклад для Любера, пусть ей будет приятно. Надо же всё-таки отношения налаживать, как-никак, нам в этой школе ещё три года учиться...

Это было то, что принципиально отличало Виолетту от Мэл. Ви тошнило от школы так же сильно, как и подругу, но, в отличие от Маши, Виолетта умела притворяться.

– Ладно, – немного придя в себя, выдохнула девочка. – Поеду тогда в Ленинку эту хренову, раньше сядешь – раньше слезешь...

– Угу, давай. Составить тебе компанию?

– Да не, спасибо. Сама.

– Ладно, тогда держи в курсе.

– Ага.

И Мэл обречённо поплелась к метро.

В вагоне девочка заметила, что всю дорогу с неё не сводил глаз молодой человек в длинном вязаном шарфе. Его лицо казалось почему-то смутно знакомым, хотя Мэл была совершенно уверена, что никогда его прежде не видела. Впрочем, шарф девочке понравился куда больше, чем сам молодой человек.

В Ленинку Мэл записали родители ещё год назад, когда девочке исполнилось четырнадцать, просто потому что: «Ну как же можно быть школьницей в Москве и не иметь читательского билета Ленинской библиотеки?!» Однако с любовью Мэл к учёбе в целом и чтению в частности нет ничего удивительного в том, что сама она так там ни разу и не появилась и потому не имела ни малейшего представления о том, что книжки в Ленинке, в отличие от районной библиотеки, надо заказывать заранее, если не хочешь ждать час, а то и полтора. Известие это девочку не обрадовало, но она подумала, что сил на то, чтобы приехать сюда повторно, у неё может и не найтись, и согласилась ждать.

Книжки ей принесли даже быстрее, чем обещали – примерно минут за пятьдесят. А дожидаясь их, Мэл успела краем уха услышать обрывок разговора прошедших мимо двух сотрудников библиотеки: те полушёпотом обсуждали похищение из книгохранилища и какое-то загадочное убийство. Впрочем, Мэл это не особо заинтриговало: у этих библиотекарей никогда не поймёшь, реальную жизнь они обсуждают или очередную книгу. Девочка лишь подумала вскользь: «Подумаешь, страсти какие! Убийство в библиотеке – это же надо выдумать...»

...За те полтора часа, что Мэл провела в читальном зале Ленинской библиотеки, казалось, прошла целая вечность. Советские классики оказались скучными невыносимо. Девочка с боем заставляла себя переворачивать каждую следующую страницу, делая при этом выписки для доклада. В голове продолжала наигрывать несуществующая песня про бомжей в Сокольниках, а критика «Евгения Онегина» никак в этой голове не желала усваиваться. Устав окончательно, Мэл отложила ручку, размяла затёкшие пальцы и потянулась. Поскольку затекли у неё не только пальцы, она встала и прошлась по полупустому читальному залу в дальний его конец. Её взгляд остановился на железной двери. «Вход только по пропускам» гласила табличка.

– Хм, как будто кому-то нужны эти пыльные фолианты. Целая закрытая секция, посмотрите на них. Уууу. Тайна! – пробурчала себе под нос девочка.

Она уже вернулась на своё место, к докладу, когда свет несколько раз мигнул и погас. День же был пасмурный, к тому же уже вечерело, так что читальный зал погрузился в совершенно непригодный для работы полумрак.

– Отлично!.. – закатила глаза Мэл.

Подождав пару минут и убедившись, что это не просто кратковременная неполадка, девочка собрала свои вещи и вяло поплелась к выходу. Тем же занялись и остальные немногочисленные читатели. Когда Мэл дошла до дверей, свет так и не включили. Более того, никто из работников библиотеки тоже не появился. Прочие посетители предпочли как можно быстрее покинуть тёмное помещение. Мэл последовала было за ними, но тут натура авантюристки взяла верх, и девочка, вспомнив богатый опыт компьютерных игр и просмотра приключенческих фильмов, поняла: сейчас самое время попытаться проникнуть в закрытую секцию. Да, скорее всего, там не будет ничего, кроме кучи пыльных и скучных книг, но слазить туда незамеченной и вылезти обратно – это звучит как интересный квест, про который потом можно будет с гордостью рассказывать. Мэл несколько секунд потопталась у входа в закрытую секцию и наконец толкнула дверь, которую больше не удерживал обесточенный электромагнитный замок. Девочка вошла внутрь и принялась спускаться вниз по лестнице, освещая себе дорогу мобильным телефоном. Примерно на середине пути она поняла, что фонарик – это, конечно, хорошо, но можно и видео снять о своих похождениях. Включив фронтальную камеру и направив её на себя, девочка бодро затарахтела:

– Хай, гайс, с вами Мэл, и сейчас я буду спускаться в закрытое для посторонних книгохранилище Ленинской библиотеки. Тут вырубили свет, и я рассчитываю обнаружить книжных зомбаков. А может, на нижних уровнях хранятся секретные документики... Сейчас я туда проберусь, и мы это проверим.

Свободной рукой Мэл толкнула перед собой очередную дверь. Электричество так и не включили, и ещё один замок легко открылся.

– Это отсек пыльных книг. Давайте посмотрим, чо тут?

Мэл направила камеру на многочисленные полки, уставленные пухлыми томами.

– Тут очень холодно: возможно, они на самом деле хранят здесь трупы. Щас мы это узнаем! Какой длинный коридор... Что тут у нас за книги? Герцен. Опять он. И снова он. Пойдём в другой отсек.

Мэл ускорила и открыла следующую дверь. Посветила телефоном на одну из полок. Вдруг ей послышались шаги.

– Так. Тихо, сейчас я затаюсь здесь от охраны, – прошептала девочка в телефон и замерла, прильнув к стеллажу. Звук шагов приближался.

– Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу... – донёсся до Мэл бархатный голос.

Девочка мысленно выругалась. Было понятно, что это охрана и бежать уже поздно. Вдохнув поглубже, она выступила из тени стеллажа и торопливо заговорила:

– Прошу прощения, я заблудилась, там выключили свет. А библиотека такая большая, где я сейчас нахожусь?

– Это книгохранилище. Одно из лучших мест для интровертов, – ответил приятный мужской голос. Лица его обладателя было не разглядеть.

– Ну, я сейчас его покину. Извините, я не специально, – пробормотала девочка.

И, не удержавшись, посветила экраном телефона на своего собеседника. Напротив неё стоял мужчина: не очень старый, не очень молодой, во фраке и с тростью. Мэл почему-то бросились в глаза его руки – идеально ухоженные, что для мужчины довольно странно.

– Выход прямо и направо, – вежливо напомнил он.

– Спасибо. Я правда не специально.

Мэл попыталась пройти мимо мужчины, однако он неожиданно положил руку ей на плечо.

– Одну минуту.

– Д-да? – от этого прикосновения девочке стало не по себе.

– У тебя с собой есть вещь, которая тебе не принадлежит.

– Да блин, ничего я здесь не воровала, я просто заблудилась!.. – со смесью злости и отчаяния воскликнула Мэл. Драка, о которой она почти забыла, занимаясь подготовкой доклада, снова всплыла в её памяти. Да что же за день такой! Покалечила и ограбила одноклассницу, в чём её теперь ещё обвинят?..

– Здесь, скорее всего, не воровала. Может быть, и вообще не воровала. Но, тем не менее, нужная мне вещь у тебя. Так что просто отдай мне жемчужину и иди, – всё тем же ровным и мягким голосом проговорил незнакомец.

– Какую жемчужину? – опешила Мэл.

– Небольшую такую, белую. – Девочке показалось, что он смеётся над ней.

Мэл аккуратно попробовала убрать руку мужчины со своего плеча.

– У меня ничего такого с собой нет. И не было. Вы меня перепутали с кем-то...

– Сомневаюсь, – голос мужчины неувлимо изменился, в нём звякнула сталь.

Мэл сделалось жутко. Интонация мужчины, сами его слова наводили на мысли о хреновом фильме ужасов, либо не менее хреновом разводе, да и вся эта ситуация совершенно перестала ей нравиться. Девочка вдруг поняла, что приключений с неё на сегодня хватит и она хочет домой.

– Окей, чё надо-то? – нарочито грубым голосом спросила она.

– Жемчужина. У тебя с собой жемчужина, – напомнил мужчина.

Мэл нахмурилась, припоминая. Вдруг лоб её разгладился.

– А, я поняла, о чём вы. Да, есть у меня такая. Только, пожалуйста, не выдавайте меня. Я не специально, Ольга начала сама, и я зацепилась за её ухо... Вы же не из полиции? Возьмите.

Девочка залезла в карман рюкзака и протянула мужчине серёжку.

– Я правда не специально. Давайте замнём это дело. Я извинюсь перед Ольгой... – бормотала она. – А вы, собственно, кто?

Мужчина ничего не ответил, лишь быстро схватил серёжку и принялся внимательно осматривать её.

– Здесь нет жемчужины. Где она?

– Может, отвалилась? Сейчас... – Мэл покопалась в рюкзаке ещё немного, пока на дне не заметила жемчужину, выпавшую из украшения. Перламутровая капля в глубине кармана тускло и мягко светилась, и свет этот словно бы исходил у неё изнутри. Мэл осторожно взяла жемчужину двумя пальцами и замешкалась, не в силах оторвать от неё взгляд. Фонарик на телефоне выключился вместе с самим телефоном.

– Чёрт!..

Руку с жемчужиной вдруг зашипало, как от пореза. Мэл взвизгнула и рефлекторно разжала пальцы. Светящаяся капля выпала и покатилась под шкаф. Стало совсем темно. Девочка прижалась к книжному стеллажу, ощупывая руку и вглядываясь в темноту.

– Эй, мужчина, забирайте вашу жемчужину, только осторожнее. Она куда-то покатилась, в общем, сами найдёте.

Девочка посмотрела на свои пальцы и увидела на них кровь. Мужчина завернул за угол ближайшего стеллажа, туда, куда покатилась жемчужина.

– Прости, дитя, – тихо и будто бы с сожалением выдохнул он.

В следующий момент Мэл услышала странный щелчок, и высокий шкаф с книгами, покачнувшись, принялся заваливаться прямо на девочку.

– Помогите! – пискнула она.

Мэл казалось, что она угодила под камнепад, только вместо камней на неё сыпались книги. Стеллаж кренился, как в замедленной съёмке. Один из тяжёлых томов острым углом полоснул Мэл по лбу, так что теперь кровь стекала ещё и по голове. Девочка понимала, что если её накроет стеллажом, то это конец: её раздавит, как букашку. Нужно было попытаться увернуться, шарахнуться в сторону, но время будто остановилось: Мэл всё понимала, но не могла пошевелиться. Девочку начало подташнивать, она закрыла глаза, чтобы темнота не кружилась, однако это не помогло. Книги всё сыпались. Мэл приоткрыла один глаз и увидела мужчину. В пальцах он сжимал найденную жемчужину, и в её слабом свете трость незнакомца зловеще поблёскивала. Держал он её как шпагу.

Девочка громко закричала, но на помощь никто не пришёл. Человека это даже не смутило. Стеллаж продолжал неотвратимо крениться, а Мэл всё так же не могла сдвинуться с места.

– Может, ты мне поможешь?! – крикнула она.

– Не могу, – виновато ответил незнакомец.

Он развернулся и снова двинулся к стеллажу. Не обращая внимания на крики и проклятия Мэл, мужчина стукнул тростью по его основанию, и тот, будто решившись, начал стремительно падать. Мэл поняла, что если этот шкаф рухнет на неё, ей точно конец, а этот дядька явно в этом заинтересован. Она ещё попыталась броситься в сторону, но падающие книги накрыли её, как лавина.

– Всё? – выдохнула Мэл в темноту. И проваливалась в небытие. Последняя мысль была неожиданной и глупой: «Во всём виноват Онегин».

Летевший на девочку шкаф упёрся верхушкой в соседний и замер. Последние тома соскользнули с полок и рухнули в гору книг, заваливших Мэл.

Раздался выстрел. Мужчина с тростью отскочил с нечеловеческой скоростью. Жемчужина в его руке вспыхнула ярким синим светом и тут же погасла. Он отвёл трость в сторону, чтобы нанести удар незваному гостю.

У Мэл всё плыло перед глазами, но она смогла сфокусировать взгляд на возникшей будто бы из ниоткуда фигуре. В темноте перед ней стоял кто-то, одетый, судя по очертаниям, в длинное чёрное пальто и цилиндр. В руке этот некто держал револьвер. Мужчина с тростью вскрикнул и выронил жемчужину. Она покатилась напрямик к фигуре в цилиндре.

– Что вы делаете в моей библиотеке и почему ломаете моё имущество, сударь? Следующая пуля вас ранит, а не пугает. – Голос незнакомца звучал без эмоций: пусто, холодно. В этот момент он увидел Мэл, слабо трепыхавшуюся под грудой книг.

– Ой, сударыня! – молодой человек опустился перед ней на колени и принялся разгребать книги, помогая ей выбраться.

Их руки соприкоснулись. Мэл настороженно вглядывалась в человека напротив себя.

– Ты охранник? – спросила она.

– Что? – голос молодого человека приобрёл эмоции.

– Вы из охраны?

– Нет, полагаю, мне снится, что на моё поместье напали. Кстати, о нападавших! – Он резко обернулся.

Мэл потрогала погасшую жемчужину: та была холодной. Девочка всмотрелась в темноту. Молодой человек проследил направление её взгляда и взвёл курок.

– Ты что, дурак?! – завопила Мэл, когда он направил револьвер на то место, где находился человек с тростью. – Нас же посадят! Тут нельзя стрелять!

– Зато рубить можно! – Мужчина с тростью сделал выпад в их сторону, Мэл и незнакомец отскочили назад, спотыкаясь о груды книг. Незнакомец выстрелил.

Пуля попала в лезвие трости, переломив его. Мужчина замер.

– Будем продолжать бой? Или, сударь, – сказал человек в цилиндре, – может быть, вы представитесь?

– Что ж, это звучит разумно: вы должны знать имя того, кто отправит вас к праотцам, – мужчина слегка поклонился: – Павел Кирсанов, к вашим услугам.

Незнакомец в пальто вежливо приподнял свой цилиндр:

– Евгений Онегин.

– Онегин? – хихикнула Мэл, потирая ушибленную голову: до неё постепенно доходил весь идиотизм ситуации.

– Прошу прощения, сударыня, но почему вас так веселит моя фамилия? – молодой человек в цилиндре был удивлён и очень серьёзен.

– Что? – выкрикнул Павел. – Да, какого чёрта?!

– Ээээээ? – Мэл вновь посмотрела на своего спасителя. – Кажется, пора вызывать пояснительную бригаду...

Не дожидаясь, пока все очухаются, Павел совершил выпад. Реакция Евгения была незамедлительной: со скоростью, незаметной человеческому глазу, он вскинул руку с револьвером и выстрелил вновь. Пуля угодила прямоком в остатки трости, выбив её у Кирсанова из руки. Павел отскочил в сторону.

– Проклятье!

– Да вы оставите меня в покое или нет?! – вскричал Евгений.

Кирсанов некоторое время выжидал, просчитывая варианты, после чего коротко вздохнул:

– Да будет так. Но, думаю, мы ещё встретимся. Если, конечно, ты выживешь. – Павел учтиво поклонился, после чего достал из-за пазухи какую-то старинную книгу, хлопнул ею и пропал.

– Чертовщина!.. – пробормотал Евгений.

Мэл же высказалась на исконно русском матерном, который явно не подобал барышне её возраста, да и вообще барышне.

Пока Евгений приходил в себя, девочка открыла дверь хранилища.

– Пойдём со мной, если хочешь жить! – пафосно произнесла она. Потом подумала, что это перебор, и добавила: – Быстрее пошли отсюда, не задавай вопросов.

К счастью для них обоих, резервное питание всё ещё не работало и библиотека тонула во тьме. Они молча бежали по тёмным коридорам, пока не добрались до выхода. К удивлению девочки, они не встретили ни единой живой души, словно все люди исчезли из библиотеки.

Наконец Мэл и её странный спаситель выбежали на улицу.

Едва переступив порог библиотеки, Евгений впал в ступор. Слишком много шума, слишком много огней, слишком много чего-то, совершенно ему незнакомого. Осенний ветер дунул ему в лицо и почти сорвал цилиндр. Молодой человек вжался в стену. Маша попыталась взять его за руку.

– Да что ж такое, пойдём! Нужно уходить!

– А куда? Где я?! И вообще, я никуда не пойду! – Евгений, видимо, от растерянности напрочь утратил свой великосветский тон.

– Да ты совсем поехавший, что ли?! Москва это!

– Когда я засыпал, она выглядела иначе! Что это за свечи?! Что это за безлошадные шумящие кареты?! Пожалуйста, скажите мне! – Теперь уже Онегин сам вцепился в Машину плечо.

Мэл растерялась. Этот человек был похож на сумасшедшего. Но он спас ей жизнь. Она не могла бросить его тут.

– Я всё объясню, только давай найдём более спокойное место, где за нами не будут гнаться? Хорошо? – стараясь, чтобы её голос звучал успокаивающее, предложила она.

Евгений недоверчиво кивнул.

Стремясь оставить Ленинку как можно дальше, они вскоре вышли на Тверскую. Евгений уже перестал дёргаться от каждой проезжающей мимо машины и с интересом глазел по сторонам. Прохожие улыбались его внешнему виду, некоторые даже показывали пальцем. Туристы пытались попроситься сфотографироваться, но Мэл их в меру деликатно отваживала. Весь путь она пыталась уложить в голове произошедшее, но события минувшего дня больше походили на какой-то фильм.

– Ладно, Онегин, – отчаявшись разобраться в случившемся самостоятельно, выдохнула Мэл. – Что ты помнишь последним?

– Я помню, что вернулся с бала и отправился спать, так как стояла уже глубокая ночь... – растерянно начал молодой человек. – Мне снилась... А, впрочем, это неважно...

– Чувак, ну хорош уже втирать мне какую-то дичь. Ну, это не смешно! – потеряла терпение девочка.

– Я не понимаю, о чём вы. – Во взгляде, который адресовал ей Евгений, читалось столь искреннее недоумение, что Мэл на секунду смутилась. Но лишь на секунду.

– Блин, ладно, короче. Ты хочешь сказать, что ты и есть тот самый Евгений Онегин из книжки Пушкина, весь такой крутой дворянин, который сначала долго френдзонил бабу, потом она тебя отвергла, а ещё ты убил своего друга на дуэли, так?

– Я мало что понял из ваших слов, но откуда вам известно про дуэль? – При этих словах будто бы мимолётная тень пробежала на его лицо, но почти сразу пропала.

– Да что ж такое-то! – Мэл уже почти бесилась.

Тем временем они добрались до памятника Пушкину. Онегин вдруг остановился и внимательно всмотрелся в лицо изваяния.

– Сашка!... – в изумлении охнул он.

– Ну, ты ещё на колени перед ним упади... – закатила глаза Мэл.

– Я знал его. – Евгений не мог оторвать глаз от памятника.

– Парень, ну что ж ты такой отбитый-то? Как ты мог не знать Пушкина? Это ж гений русской литературы, «наше всё»... – передразнила Мэл Любовь Ильиничну.

– Мы познакомились давно. На балу. Много пили... Что с ним случилось?

– Его застрелили на дуэли.

Евгений помрачнел, и Мэл решила перевести разговор на другую тему.

– Так, я не понимаю, что с тобой происходит, почему ты ведёшь себя, как заигравшийся реконструктор или просто псих, но я благодарна тебе за спасение всё же. Где ты научился так стрелять?

– Я и сам не думал, что так умею. И таких пистолетов я никогда не видел... – Евгений попытался достать из кармана пальто револьвер, чтобы повнимательнее его рассмотреть, но девочка повисла на его руке, понимая, что светить оружием в самом центре Москвы – не самая лучшая идея. – Во снах с нами происходит странное...

– А не снились ли тебе сны, парень, в которых ты понимал, что ты – лишь созданное богом существо, а твой бог – всего лишь человек? – донёсся вдруг до них ироничный голос.

Мэл и Евгений обернулись.

Позади них стояли трое: эффектная женщина в длинном чёрном плаще и шляпке с вуалью, по моде начала двадцатого века, молодой мужчина с очень добрым лицом, одетый в камуфляжную форму и куривший какую-то странную сигарету, похоже, самокрутку, и тот самый молодой человек в кепке и красивом вязаном шарфе, которого девочка видела несколькими часами ранее в метро. Именно ему и принадлежала реплика.

Евгений положил руку на рукоять револьвера и заслонил собой Мэл.

– Эй, приятель, тише. Я смотрю, вы сегодня многое пережили. Мы вам не враги, – продолжил человек в шарфе.

– Что вам надо-то? – подозрительно спросила Мэл.

– Для начала давайте познакомимся, – миролюбиво предложила женщина. – А потом поговорим о жемчужине, которая должна быть при вас.

– Да вы задрали! – не выдержала девочка. – Что за хрень тут происходит?! Почему меня пытаются сегодня убить из-за какой-то жемчужины, почему меня окружают сумасшедшие фрики, что это за розыгрыш?!

– Дитя, – заговорил военный, – и вы, товарищ, видимо, не понимаете, что с вами произошло. В этом нет ничего удивительного, поскольку ситуация действительно непростая и в неё трудно вот так сходу поверить. Вы были втянуты в большую заваруху. Я и мои друзья постараемся всё вам объяснить. Кстати, меня зовут Василий Тёркин.

Но впечатления на слушателей это не произвело. Мэл и Онегин продолжали тарашиться на троицу изумлённо и недоверчиво. Тогда женщина в плаще достала из кармана баночку с кремом и принялась мазать им лицо, которое тут же сделалось невидимым. У Онегина непроизвольно дёрнулась рука, как будто он хотел перекреститься, а Мэл в очередной раз выдавила из себя междометие, выражающее глубочайшее удивление.

– Ты баба-невидимка? – потрясённо спросила Мэл.

– Что? – опешила женщина.

– Ну, из фантастической четверки.

– Вообще-то, я Маргарита Николаевна, – ответила женщина и стала платком стирать мазь, проявляясь обратно. – А этот болтун, – она кивнула на типа в шарфе, – «великий комбинатор» Остап Бендер.

– Маргарита Николаевна? Из «Мастера и Маргариты» которая? – догадалась девочка. Книгу она, разумеется, не читала.

– Да. Хорошо, что ты хоть это знаешь. Из какой ты эпохи?

Мэл непонимающе уставилась на собеседницу.

– В каком смысле? Я из этой эпохи.

– Возможно, ты просто не помнишь, кто ты на самом деле, – затараторил мужчина в шарфе, – например, ты уже просто выросла в этом мире и забыла своё прошлое... – закончить он не успел, потому что получил дружеский подзатыльник от Тёркина.

– Остап, помолчи. Так ты их только больше запутаешь. Дай мне объяснить. Ребята, в это сложно поверить, но вы книжные персонажи, которых призвала в этот мир одна магическая вещь. Это если кратко.

Тут уже не выдержал Онегин.

– Какая магия?! Какие книги?! Какие персонажи?! Сон дивный, но я хочу проснуться! – Выглядел он как человек, находящийся на грани помешательства.

– Это не сон, дуралей! Ты попал в тот мир, где тебя создали. Чьё-то ярое желание воплотило тебя здесь. Но на самом деле тебя в этом мире никогда не существовало. У тебя есть свой мир, и ты жил только там! – всё-таки не смог удержаться от объяснений тот, кого называли Остапом.

– Нет, нет, нет... – Онегин потянулся за револьвером. – Я знаю, я выстрелю себе в голову и проснусь...

– Стой! Если ты погибнешь в этом мире, случится непоправимое! – крикнула Маргарита.

– Это, типа, если вы погибните здесь, вы удалитесь из книги? – уточнила Мэл.

– А ты шаришь, – отозвался Бендер.

– Евгений, стреляй! И вообще, удаляйтесь нахрен все, мне меньше читать придётся! – рассмеялась девочка, за что была награждена тремя гневными взглядами.

– То есть, я мёртв? – переспросил Онегин.

– Отнюдь нет, – качнул головой «великий комбинатор». – Я бы даже сказал, что сейчас ты куда более жив, чем когда бы то ни было. Твоё тело вполне реально. И оно смертно. И если...

В этот момент Мэл поняла, что они все стоят посреди Пушкинской площади и весьма громко спорят о довольно-таки странных вещах, а она устала от всего этого и просто хочет домой.

– Короче, мне надоело это слушать, – прервала их девочка. – Давайте вы всё объясните у меня дома, а то это явно разговоров ещё на полночи, а я к тому же голодная. – И она решительно зашагала вперёд.

Её новые знакомые переглянулись и последовали за ней. Онегин решил не отставать. В конце концов, эта жуткая версия многое объясняла.

– Так как тебя зовут, парень? – вспомнил вдруг Тёркин.

– Евгений Онегин.

Троица заулыбалась.

– Ох, вот так призвался. Ну что ж, добро пожаловать на войну.

Глава 2

– Долго он ещё будет так сидеть? – Вася посмотрел на Евгения и поморщился.

– Полагаю, ещё пару часов. – Маргарита отхлебнула чай.

Онегин пусто смотрел в одну точку. Он был расстроен, растерян, ему почти хотелось плакать. Всё случилось так быстро: перемещение, другая эпоха, другие люди... Все, кого он знал, перестали существовать.

– Евгений, Евгений, очнитесь! Да, это трудно представить, ещё труднее понять, но мы здесь, и вас нужно ввести в курс дела, – попытался взбодрить его Остап.

– Сударь, а что, если я не хочу? Не хочу никаких дел... – бесцветным голосом отвечал Онегин, глядя мимо собеседника.

– Ну, тогда у вас всё равно нет выбора, – философски пожал плечами Бендер.

Дверь открылась, и в комнату зашла Мэл. Лицо её выражало крайнюю степень изумления.

– Как вы это сделали? Родаки теперь уверены, что Женя – мой старший брат, который вернулся из армии... это магия какая-то? А можно их ещё в чем-нибудь убедить? Я вот не хочу...

– Тихо, – властно сказала Марго, вскидывая ладонь. – Это вынужденные меры до поры до времени, а магия – серьёзный инструмент, а не игрушка. Дома твои родители будут уверены, что Евгений всегда был их сыном, а выходя из квартиры, станут тут же забывать о его существовании.

– А что насчёт других людей? – спросила девочка. – Ну, я имею в виду тех, кто знает нашу семью и в курсе, что никакого брата у меня никогда не было?

– Скажем так: лучше пока гостей сюда не водить, – уклончиво ответила женщина.

– Ну, с моими родителями это довольно легко. Да они и сами-то не так уж много времени дома проводят... – тут Мэл наткнулась взглядом на неподвижного Онегина. – Он всё ещё так и сидит?

– Как видишь, – кивнула Марго.

Бендер спрыгнул с подоконника и посмотрел на Мэл, хитро облизнув губы.

– Мне вот интересно, как ребёнок оказался во всё это втянут.

– Возможно, она ещё просто не вспомнила, кто она на самом деле. Но мы можем допросить её по всей строгости военного времени, – пошутил солдат.

– Да всё я помню! – возмутилась Мэл. – Я тут всегда жила, у меня есть мама и папа. Я хожу в школу, и до сегодняшнего дня со мной ничего странного не происходило.

– А как к тебе попала жемчужина? – полюбопытствовал Тёркин.

– Ну, я подралась с одноклассницей, она серьгой зацепилась за мой свитер, и я выдрала серьгу... вместе с куском уха, по ходу...

– С ухом? – вопросительно подняла бровь Маргарита.

– Да. Не уверена...

– А где остатки серьги?

– Отдала её тому мужику с тростью, потом у нас была драка, а потом он исчез. А жемчужина с серёжки отвалилась...

Маргарита схватилась за голову.

– Правильно ли я понимаю, – вмешался Бендер, – что это та самая серёжка, которую мы искали последние восемь месяцев?

– Ну, судя по описанию, да, – вздохнула Марго.

Мэл вдруг разозлилась.

– Может быть, вы наконец объясните мне, в чём дело?! Это очень здорово, когда все на одной волне, но пока ничего не понятно, хотя и очень, блин, интересно! – гневно воскликнула она.

– Ну, смотри. Очевидно, что не каждый день персонажи книг воплощаются в реальном мире, а потом сидят в твоей комнате и пьют чай... – начала Маргарита, но обвела взглядом комнату и отвлеклась: – Кстати, что-то не похоже, что ты сама любишь читать. Судя по твоим «многочисленным» книжным полкам... – В голосе её проскользнула ирония.

– А зачем? – небрежно дёрнула плечом Мэл. – Есть интернет, всё можно взять там.

Из угла, в котором находился Онегин, вдруг раздался грохот. Евгений явно уселся на пульт от телевизора, тот включился, раздался звук выстрелов. Онегин выхватил револьвер и приготовился выстрелить в экран, но Бендер успел вцепиться в его руку прежде, чем это произошло.

– Стой, дурак! – завопил Остап.

– Что это?! – В голосе Евгения смешались ужас и любопытство.

– Это телевизор, – равнодушно пояснила Мэл.

– Бесовская машина! Там люди! – Онегин таращился в телевизор с нарастающим восхищением.

– Это синематограф, они ненастоящие, – сквозь зубы процедил Остап, в то же время пытаясь заставить Евгения опустить оружие.

Онегин с недоверием посмотрел на Бендера, потом на экран. Там бородатый мужчина в широкополой шляпе и пончо докуривал сигарету, положив руку на рукоять револьвера. Напротив него стоял ещё один мужчина.

– У них дуэль? – Евгений начал вглядываться в происходящее на экране с интересом.

Бендер закатил глаза.

– Да. Клинт Иствуд сейчас убьёт бандита. Выключи, это скучный фильм, – вздохнула Мэл.

– Вам не кажется, что мы отвлеклись от темы? – подал голос Василий. – А между тем нам нужно как можно скорее посвятить вас в происходящее. Неизвестно, кого ещё может занести в этот мир в самое ближайшее время. Бусины, бусины разлетелись по всему миру...

– Так, давайте по порядку. Если вы и вправду герои книг, то как и нафига вы здесь очутились? – Мэл, как и все подростки, быстро переключалась.

– Что ж, я попробую объяснить. – Василий говорил медленно, обдумывая каждое слово. – Есть один артефакт... Ты знаешь, что такое «артефакт»?

Мэл кивнула: часы, проведённые за компьютерными играми, не прошли даром.

– Хорошо. Так вот, жемчужное ожерелье Калиостро – старинный артефакт, который способен... ммм... я даже не знаю, как это лучше сказать... оживлять неживое? овещать невестественное? Словом, воплощать в реальном мире то, что до этого существовало лишь в воображении. Мы пока и сами не до конца поняли, как всё это работает, однако кое-какие закономерности вывести удалось... Ах да, забыл важный момент: некоторое время назад ожерелье было порвано, и множество прежде составлявших его жемчужин рассеялось по свету. Теперь каждая из них – отдельный самостоятельный артефакт, способный однократно призвать книжного персонажа. Но есть несколько правил. Например, герой может воплотиться только на своей земле, а призыв должен проводиться на том же языке, на каком написано произведение. У призываемого героя, как правило, есть какое-то неосуществлённое желание или что-то, что он хотел бы изменить в своей судьбе... Ну, знаешь, не все персонажи довольны той историей, которую подарил им их автор...

– Но как же, вас ведь создали писатели? Как вы можете существовать на самом деле? – не унималась Мэл.

– Это в твоём мире мы – персонажи книг. А в каждом из своих миров мы живые люди. Просто тебе открыто маленькое окошко в виде литературных произведений, чтобы подсмотреть за нашей жизнью, – философски заметила Маргарита. Тон у неё был такой, будто бы это решительно всё объясняло.

Однако для Мэл ничего не прояснилось, и она только переводила взгляд круглых от изумления глаз с одного из своих новых знакомых на другого.

– Нет никаких доказательств того, что мир, в котором мы находимся – единственно реальный, – видя её недоумение, попыталась объяснить иначе Маргарита. – Существует бесконечное количество миров, и каждый мир для живущего в нём будет считаться единственным «настоящим». Мало кто хочет верить в то, что он всего лишь чья-то выдумка...

Мэл помотала головой.

– Я не понимаю. – Вид у неё был совершенно ошалевший.

Остап понял, что пора брать дело в свои руки, пока у девочки не лопнула голова.

– Скажи, дитя, – проникновенным голосом начал он, – тебе что-нибудь говорит словосочетание «многомерная интерпретация»?

Мэл наградила его своим фирменным «ты-блин-издеваешься?» взглядом.

Бендер коротко закатил глаза.

– Множественность миров? Параллельные вселенные? – попробовал он зайти с другого бока.

– Ааааа!.. – радостно протянула Мэл, и лоб её наконец-то разгладился. Она отнюдь не была блестящей ученицей, но вот комиксы и фантастические фильмы знала весьма неплохо.

– Ну, хвала небу! – выдохнул Остап. – Так вот, о чём речь. Они, эти параллельные миры, действительно существуют, и их бессчётное множество. Все одинаково реальные и объективные. Некоторые из них похожи друг на друга, а имеются и такие, что сильно от этих отличаются, но похожие есть и у них. Во всех мирах существуют люди с особыми способностями. Мы называем их творцами, в твоём мире они более известны как «писатели». Вот только миры, описанные в их произведениях, они не творят. Миры уже и так есть, как и населяющие их существа. Писатели творят кое-что другое...

– Что? – жадно спросила Мэл. Всё это звучало как полный бред, но бред невероятно захватывающий.

– Судьбы. С помощью своих способностей творцы видят не только людей, живущих в параллельных мирах, но и возможные варианты развития их жизней. И могут выбирать своей волей тот единственный путь, по которому эти жизни будут развиваться. Для творца и людей, населяющих его мир, мы – всего лишь герои книги, но в своих мирах мы – живые люди, и избранная писателем судьба становится нашей единственной истинной судьбой. Власть творца над жителями параллельных миров, которых он увидел и сделал своими персонажами, безгранична. Если писатель из множества вероятностей выберет ту, в которой его герой умирает, – герой умрёт. При этом для жителей своего мира творец – просто человек. В то же время, возможно, в этот самый момент кто-то из параллельного мира пишет роман про одного из твоих одноклассников...

Мэл содрогнулась.

– Это что же, получается, что всех нас кто-то пишет и в мире нет ни одного человека с по-настоящему свободной волей, самостоятельно выбирающего свою судьбу? И пишут эти «творцы» совершенно легкомысленно, даже не подозревая, какая ответственность на них лежит?!

– Ну, не всё так ужасно, – попытался успокоить её Остап. – Откровенно говоря, мы не знаем, всех или не всех. Мы ещё очень многого об этом не знаем. Возможно, где-то в мире – во всех мирах – и живут «просто люди», сами по себе, ничьи персонажи. А может быть, вселенная и вправду есть не что иное, как сумма писателей и персонажей, взаимно и бесконечно

сотворяющих судьбы друг друга... Но мы слишком углубились в метафизические дебри, а тем временем я вновь передаю слово моему коллеге, который просветит вас по более насущным вопросам. Например, о том, как можно выдернуть «персонажа» из его родного мира в мир его создателя, и чем всё это грозит.

– Призыв героев, – продолжил Тёркин, – совершается при помощи жемчужины благодаря очень сильному желанию и яркой эмоции призывающего. Например, мой создатель, призывая меня, был в отчаянии. Он переживал, что коротает старость в одиночестве, что людям нужен я, его персонаж, но не он сам. Жемчужина попала к Александру Трифоновичу во время войны, уж не знаю, где и как он её нашёл... И она сработала. Но не только создатель персонажа может призвать его в этот мир, это способен сделать практически кто угодно, причём даже не слишком осознанно...

Тёркин вдруг замолчал. Лицо его искажала мучительная гримаса. Маргарита кинула на товарища быстрый взгляд и, поняв, что он временно вышел из строя, подхватила эстафету:

– Это то, что касается призыва. Но на этом всё не заканчивается. Человек, попавший в реальность, которая воспринимает его как героя книги, начинает на эту реальности влиять.

– Например, как? – Мэл взглянула на неё вопросительно.

– По-разному. Но заметнее всего – если умрёт. Это очень сильно отразится на судьбе его произведения в этом мире. Произведения, чьи персонажи перенеслись в реальность своего создателя и тут погибли, начинают... как бы это поточнее выразиться?..

– Стремительно терять читательские симпатии, – подсказал Остап.

– Ну, да, – кивнула Марго. – Книга разом перестаёт нравиться множеству людей, постепенно приходит в забвение и вообще может исчезнуть так, будто её никогда и не было. А поскольку в искусстве всё так или иначе взаимосвязано, то это не может не касаться и других произведений, на возникновение которых те, первые, повлияли...

– О, было бы неплохо! – развеселилась Мэл. – Есть много произведений, о которых я бы не стала грустить, если б они исчезли. Даже наоборот, порадовалась бы. «Война и мир», например.

Тёркин помрачнел ещё больше.

– Не говори так! Именно потому, что с некоторыми из героев этой книги произошли очень плохие вещи, к ней сейчас настолько негативное отношение. – Сам Василий не знал лично никого из погибших героев, но для него стирание каждого из их было личной трагедией.

– Подумай: может случиться так, что книга, которую человек прочтёт, повлияет на всю его жизнь. И вот, этой книги не станет, словно и не существовало никогда. По ней не снимут фильмы. Актёры, прославившиеся ролью книжного персонажа, не станут известными, композиторы не напишут опер, и многое другое не произойдёт, – пытался объяснить Остап. – Это практически как уничтожить целый вид животного и повредить всю природу!

– Неужели в твоей жизни не было произведения искусства, которое бы повлияло на тебя? – пристально глядя на девочку, спросила Маргарита.

– Явно, это не книги. Уж точно не русская классика, – поморщилась Мэл.

Троица переглянулась с явным разочарованием, однако девочка, погружённая в свои мысли, не обратила на это внимания. Глаза её вдруг загорелись:

– Слушайте, так это мы кого угодно призвать можем? Главное иметь при себе жемчужину и ездить по правильным местам?

– Ну... теоретически, – осторожно ответил Тёркин.

– Я придумала! Так, давайте с жемчужиной съездим в Англию, призовём там какого-нибудь крутого волшебника, например... – затараторила девочка, однако её почти сразу же прервали:

– Исключено, – почти хором ответили Марго и Бендер.

– Но почему?! – разочарованно воскликнула Мэл.

– По сумме данных, – коротко ответила Маргарита но, заметив выражение лица Мэл, принялась объяснять: – Во-первых, нет никакого резона намеренно призывать именно волшебника, поскольку абсолютно все призванные герои и так в каком-то смысле «волшебники». Все мы при переходе получаем какие-нибудь сверхъестественные способности, даже если в своём мире ничем подобным не обладали. При этом совсем не факт, что книжный волшебник сохранит при воплощении тот дар, которым обладал в книге. Ну и во-вторых и главных: мы стараемся вообще никого не призывать, и даже наоборот, – по мере возможности предотвращать призывы. Каждый новый призванный персонаж – это масса проблем, большой риск для культурного наследия этого мира и почти гарантированно загубленная жизнь самого персонажа.

– А если это будет кто-нибудь очень могущественный? Не просто персонаж, а бог? Например... – взгляд Маши упал на стопку марвеловских комиксов, висевшую на полу, – например, Тор?

Маргарита покачала головой.

– Кем бы он ни был в своём мире, здесь от станет кем-то иным. В плане способностей, я имею в виду. И он точно не будет считаться этой вселенной за бога.

– Ну вот, волшебников нельзя, богов тоже нельзя... Так, а злодеев? – Маша начала входить во вкус. – Призываются только положительные персонажи?

– Ага! – обрадовался Тёркин. – Хороший вопрос. Нет. Призываются не только положительные персонажи. Как мы поняли, на каждого положительного персонажа призывается отрицательный, и наоборот, для сохранения баланса. Но понятие «отрицательный персонаж» далеко не всегда может быть истолковано объективно и однозначно. По нашим наблюдениям, «отрицательные персонажи» получаются из героев, которых тяготят сильные сожаления или чувство вины. Такие герои, как правило, озлоблены на своих создателей и очень хотят что-то изменить в сюжете своего произведения, в своей книжной судьбе. В этом мире они вступают в ряды наших противников. С одним из них вы и столкнулись в библиотеке.

– Иии... что будет, если у него это получится? В смысле, у героя – изменить свою судьбу?

Тёркин задумчиво покачал головой:

– Этого мы не знаем. Пока такое никому не удавалось.

– А вот если я хочу остаться здесь жить? В этом мире и в этом теле дожить остаток жизни, – вмешался в разговор до сих пор молчавший Евгений.

– То в своём мире ты сотрёшься, не сейчас, так потом, – без эмоций ответила Маргарита.

– Тогда какой вообще смысл? – безнадежно поинтересовался Онегин.

– Спорить с богом? Пытаться изменить свою судьбу? Никакого. Это всё лишь эгоистичные желания. Какое нам всем дело до того, что будет в каком-то другом мире? Мы живём в своих.

– Я совсем запуталась, – сказала Мэл.

– Ну, не все понимают с первого раза, – пожал плечами Остап, а затем добавил не без иронии: – К тому же, чтобы что-то понимать, нужно запускать, так сказать, мыслительный процесс, а человек, мало читающий...

– Всё, хватит! – вспылила Мэл. – Я вас сюда притащила не для того, чтобы вы мне сомневались в моих умственных способностях. Ещё одна такая фразочка, и вы заберёте вон того психа и пойдёте свои квесты выполнять в какое-нибудь другое место!

– Товарищ женщина, успокойтесь, – попытался шуткой разрядить обстановку Тёркин.

– «Товарищ девушка», я бы попросила! – Маша выпалила эту фразу и в ту же секунду поняла, что у неё темнеет в глазах.

В следующую секунду девочка рухнула на пол без чувств.

Троица подскочила к ней. Всё произошло так быстро, что никто даже не успел подхватить Мэл.

Маргарита, привыкшая всегда предполагать худшее, приложила пальцы к её шее за ухом и тут же с облегчением мотнула головой:

– Обычный обморок. Нашатырю бы. – Она подняла глаза на друзей: – У кого-нибудь есть?

– Ну, у меня есть одеколон... – неуверенно признался Остап, вынимая из внутреннего кармана пиджака узкую флажку.

– Я даже знать не хочу, ради чего ты его с собой носишь, да ещё в такой таре, – с лёгкой безразличностью произнесла Маргарита. – Давай.

Бендеров одеколон подействовал не хуже нашатыря. Мэл открыла глаза и встретилась взглядом с Василием.

– Мистер Тёркин... Мне что-то нехорошо, – демонстративно закатила глаза девочка.

– Я знаю. Не волнуйся, сейчас тебе станет лучше.

– Что случилось? – всё ещё морщась от запаха, спросила Маша.

– Остап, посмотри, как там Женя? – вдруг вспомнила Маргарита, осознав, что Евгения не было рядом, когда они все суежились вокруг Мэл.

Ответом стало трудноразличимое «мммммм». Онегин, щурясь, лежал на полу и тоже выглядел как человек, который только что очнулся после обморока.

– Как я и предполагал, призывающий и призываемый связаны, – победоносно заключил Остап.

– Эээээ? – всё ещё ничего не понимала Мэл.

– Тебе стало плохо, девочка, и тут же стало плохо и Евгению, – объяснил Бендер.

– Это как?

– А как ты думаешь, их связь в обе стороны действует или только в одну? – азартно поинтересовался Остап, вклиниваясь в разговор.

– А вот это я как раз и хочу проверить. – Тёркин подошёл к Онегину. – Женя, дайте мне руку, пожалуйста.

Наивный дворянин протянул солдату руку, а Тёркин очень быстро уколол его в палец булавкой. Раздалась двойная порция ругательств.

– Сударь, вы что это творите?! – возмутился Евгений, но его никто не слушал. Всё внимание было приковано к Мэл: на её указательном пальце, ровно в том же месте, в которое Тёркин уколол Онегина, проступала кровь.

– Погодите-ка. То есть, теперь, если с ним что-то случится, это случится и со мной?! Это что ж такое получается?! То есть, если он помрёт, я тоже?! Мы так не договаривались! – запаниковала девочка.

– К сожалению, да, – кивнула Маргарита. – У нас мало сведений об этом, но, видимо, между призывателем и призванным может возникать такая вот связь. В этом мало приятного.

– Ты же ведьма! Сними с меня это проклятие!

– Я не могу. Не знаю, как это сделать, – виновато развела руками женщина. – Я, видишь ли, довольно-таки «узкопрофильная» ведьма, если можно так выразиться. Да и это не совсем проклятие, скорее побочный эффект.

Девочка пришла в бешенство. Вот только лекций по теории магии ей сейчас не хватало! Ещё утром её жизнь была спокойной и размеренной, а теперь её втянули в непонятнейшую авантюру с риском для жизни.

– Он же идиот! Двух шагов не может ступить без приключений! Он же попадёт под машину, и мне хана! – Страх сделал Мэл грубой.

Онегин опустил взгляд. Он хотел было возразить, но понял, что слова его только разозлят девочку ещё больше.

– А ты следи за ним. – Бендер ещё раз облизнул губы.

– И как ты это себе представляешь? – скептически спросила Мэл.

– Легко, у меня хорошая фантазия, – со спокойной иронией отвечал Остап. – Тем более что господину Онегину нужно же адаптироваться к этой реальности.

Евгений уже поднялся с пола и теперь заворожённо смотрел в окно, на проносящиеся по дороге автомобили.

– Хорошо придумал ты, великий комбинатор. Я тут его воспитывать буду, а вы заниматься своими делами? – мрачно уточнила девочка.

– Практически, – ухмыльнулся Бендер.

– Няньчиться с взрослым дядькой... Просто мечта... – полным сарказма голосом протянула Мэл. – Будто бы у меня своих дел нет...

– А будто бы есть? – поддел Бендер.

Мэл испепелила его взглядом.

Онегин, засмотревшись на очередную машину, неловко повернулся, запнулся за стопку комиксов и с грохотом упал на пол. Из соседней комнаты донеслись недовольное ворчание Машиной мамы. Онегин засмутился, покраснел и пробурчал какие-то невнятные извинения, отчего стал выглядеть ещё более нелепо.

Мэл подошла к нему и довольно-таки жёстко сказала:

– Значит так. Если ты тут переломаешься – меня это не устроит. Так что сиди смирно, упырь.

– Как вы меня назвали? – опешил Евгений.

– Не важно.

– Я дворянин, и вы... – дрожащим от возмущения голосом начал молодой человек, но его не дослушали.

– Да пофиг, – отмахнулась Мэл и повернулась к троице. – Вам я могу сказать, что оставлю его у себя и даже попробую что-нибудь объяснить про наш мир. Но вы сейчас выметайтесь. А, да. И добудьте ему как можно скорее одежды нормальной. Я так понимаю, вы в этом мире живёте уже достаточно давно, должны справиться.

– Хороший подход, – одобрил Вася.

– И ещё из-за вас я, блин, не сделала домашку. Завтра меня в школе точно убьют.

– Ну, зато ты можешь привести им живого Онегина, – усмехнулся Бендер.

– Нет уж. Я и так не особо популярна, а этот меня сделает совсем аутсайдером.

– Кем-кем? – встрял Онегин, услышав новое слово.

– Аутсайдером.

Впрочем, значение данного слова не понял никто из присутствующих.

Отвлечшийся от разговора Тёркин вдруг подошёл к дивану и пристально уставился на лежащую там книжку в ярком мягком переплёте. Затем взял её в руки и аккуратно пролистал.

– Маша, ты про него что-нибудь знаешь? – тихо и грозно спросил разом помрачневший солдат.

– А? – не поняла Мэл.

– Я говорю: ты знаешь что-нибудь про этого человека? – ещё более строгим голосом переспросил Тёркин, так что Мэл почувствовала себя на допросе.

Девочка мрачно посмотрела на книжку в руках Василия. Марвеловский сборник комиксов про Капитана Америку.

– Ну, это герой комиксов, Капитан Америка. Он суперсолдат.

– Суперсолдат? – медленно повторил Василий.

– Ну да, спасал мир во времена Второй мировой.

Тёркин поморщился и бросил комикс обратно на диван.

– Выбрось эту гадость! Не было его там!

– Естественно, не было, он же книжный персонаж. Хотя, подожди, ты ведь тоже... Может, у вас просто разные реальности Второй мировой?

– Я уже не в первый раз встречаю подобные картинки и могу с уверенностью сказать...

– Ну всё, – вмешалась Маргарита, – наш капитан начал негодовать. Василий, мы же уже говорили: комиксовые персонажи – они как мы, они имеют право на существование.

– Он искажает историю!.. – не унимался Василий.

– Историю сейчас искажаете вы. А ещё вы искажаете мой сон, – вновь попыталась выпроводить гостей Мэл.

– Да уж, действительно поздно. Устроили тут балаган, а девочке и правда пора спать. Давайте попрощаемся, а завтра днём встретимся вновь, – зевая, предложил Бендер.

Идею поддержали единогласно.

Маргарита, Вася и Остап шли по улице. Всё случившееся сегодня оставило много вопросов. Насколько им было известно, никого не призывали с помощью жемчужин уже несколько лет. Каждый призыв означал начало очередной борьбы. Каждый призванный герой пытался либо сохранить, либо уничтожить наследие своего создателя. Так некогда читаемые книги перестали читать. Ушедших в небытие героев становилось всё больше. И были те, кому это только на руку.

– Твоя теория, Марго, что перед призывом начинают пропадать обычные люди, всё больше похожа на правду. – Остап закурил. – Сколько сейчас?

– Пропало ещё двое детей, теперь на севере Москвы. Их ищут, но, судя по фото, уже бесполезно.

– Ты и такое определяешь? – удивился Бендер.

– Просто чувствую, – пожала плечами Маргарита. – Мы должны были забрать жемчужину и сделать так, чтобы она никого не призвала. Мы просчитались. – Женщина говорила с друзьями, но лицо её казалось отсутствующее: она явно думала о своём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.